№ 819

Л. Тихомировъ.

# СОЦІАЛИЗМЪ

# ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ И ОБЩЕСТВЕННОМЪ

# ОТНОШЕНІИ.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1907.

43453

# Соціализмъ въ государственномъ и общественномъ отношеніи.

(Читано Л. А. Тихомировымъ 19 и 26 февраля въ Епархіальномъ домѣ).

## I.

Задаваясь цѣлью обрисовать воздѣйствіе соціализма на государственность и общественность, я имѣю въ виду собственно нашу эпоху XIX и XX вѣка, когда появилось и самое слово „соціализмъ". Коммунизмъ старъ, какъ міръ, но въ нашу эпоху были особыя условія, давшія ему возможность вырасти въ грозное общественное движеніе и оказать разнообразное вліяніе на общественность и государственность.

Разсматривая это вліяніе, я долженъ подвергнуть строгому осужденію многое, съ чѣмъ были связаны надежды многихъ благородныхъ умовъ, но мы увидимъ въ то же время, что ихъ усилія не остались и безъ благотворныхъ послѣдствій для общества и государства. Но воспользоваться тѣмъ, что было добраго въ соціализмѣ, мы можемъ лишь постольку, поскольку поймемъ его основныя ошибки и отрѣшимся отъ нихъ.

Съ внѣшней стороны моя задача распадается на двѣ части. Во-первыхъ, я постараюсь очертить *общую идею* соціализма сравнительно съ исторической идеей общественности. Во-вторыхъ, мы взглянемъ на соціализмъ въ проявленіяхъ его, какъ *общественнаго движенія*, стремящагося измѣнить основы нашей жизни.

Прежде всего должно опредѣлить себѣ, *что такое соціализмъ?* Мой предшественникъ по каѳедрѣ разсматривалъ его, какъ ученіе экономическое. Но это экономическое ученіе есть послѣдствіе нѣкоторой болѣе глубокой основы, которую необходимо понять. На первый взглядъ, задача представляется крайне сложною. Со-

ціализмъ выражался во множествѣ доктринъ, очень между собою различныхъ. Проявившись у Гракха Бабефа въ первую революцію въ видѣ насильственнаго коммунизма, соціализмъ прошелъ затѣмъ эпоху такъ называемаго утопизма, куда относятся ученія Сенъ Симона, Фурье, Р. Оуена, Кабе, Леру. Нѣсколько позднѣе—явились болѣе практичныя и умѣренныя системы Луи Блана и Лассаля; съ 1847 же г. (декабрь)—знаменитый „Манифестъ Коммунистической Партіи“ открываетъ эпоху „Марксизма“, присвоившаго себѣ названіе „научнаго соціализма“. Это ученіе Маркса и нераздѣльнаго съ нимъ Энгельса залегло въ вѣрованія соціальной демократіи. Одновременно же съ нимъ сталъ развиваться анархизмъ, представляющій крайнее проявленіе индивидуалистической идеи, прихотливо сочетавшейся съ отрицаніемъ частной собственности.

Во всѣхъ этихъ доктринахъ можно найти и глубокія мысли, и правильныя требованія, и ужъ тѣмъ паче справедливыя обвиненія противъ слабыхъ сторонъ современной общественности. Однако, для сужденія о соціализмѣ и его значеніи мы должны взвѣсить не эти частности, а самую его сущность, полноту его идеи, ибо онъ не частностями отличается отъ исторической общественности, и не частныхъ поправокъ требуетъ отъ нея, а стремится къ полному цѣлостному перевороту.

Нашъ соотечественникъ П. Л. Лавровъ, представлявшій между соціалистами довольно рѣдкую умственную силу, опредѣлялъ соціализмъ, какъ движеніе къ „усиленію элемента солидарности и кооперації между людьми и къ борьбѣ противъ эксплуатації человѣка человѣкомъ“ („Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“). Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Въ словахъ Лаврова указывается не что такое соціализмъ, а лишь то высокое и благородное, чего и онъ не былъ чуждъ, и напоминаніемъ чего нѣкогда принесъ пользу. Но солидарность (а, слѣдовательно, и кооперація) не только возможна между людьми независимыми и свободными, обладающими всѣми правами собственности и свободы дѣйствія,—а въ сущности иначе и не мыслима. Принудительная солидарность уже не есть солидарность. Особенность соціализма и состоитъ въ невѣріи въ свободную солидарность, въ мысли, будто бы солидарность и кооперація невозможны иначе, какъ при полномъ коллективизмѣ, который бы совершенно подавилъ индивидуализмъ.

Въ этомъ *исключительномъ коллективизмѣ* вся суть соці-

ализма, и вмѣстѣ съ тѣмъ причина ого противорѣчія съ естественными законами человѣческой общественности.

Общественность такая, какъ она возникла и живетъ въ мірѣ, по естественнымъ своимъ законамъ, составляетъ явленіе, въ которомъ созидающею силою являются два неразрывно связанные фактора: *индивидуализмъ* и *коллективизмъ*. Законы общественности создаются, держатся и видоизмѣняются ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ. Но въ теоретическомъ представленіи мы можемъ разсматривать ихъ порознь, и они могутъ при односторонности мысли казаться намъ отрицающими другъ друга. Въ практической дѣятельности мы также можемъ давать ненормальное широкое мѣсто одному фактору, съуживать дѣйствіе другого. При этомъ мы уже не можемъ ни правильно понять общества, ни правильно его устраивать. Соціализмъ именно и совершаетъ эту ошибку и притомъ въ высочайшей степени.

Однако это ошибочное ученіе и ошибочная система созиданія появилась въ XIX вѣкѣ не безъ серьезныхъ основаній. Дѣло въ томъ, что здоровое состояніе общественнаго организма требуетъ правильнаго сочетанія индивидуализма и коллективизма, и при нарушеніи ихъ должнаго равновѣсія происходятъ болѣе или менѣе сильныя общественныя недомоганія, способныя перейти и въ смертельную болѣзнь, если не явится въ свое время должнаго возстановленія равновѣсія. Такой кризисъ недомоганія Европа переживала въ концѣ XVIII и особенно въ началѣ XIX вѣковъ. Я не останавлюсь на сложныхъ причинахъ, это породившихъ. Во всякомъ случаѣ, народившійся тогда либерально-буржуазный строй обнаружилъ рѣзкое отклоненіе общественности въ сторону индивидуализма. Въ этомъ либерально-буржуазномъ государствѣ внутренняя организація общества не только не возбуждала сознательнаго вниманія, но даже преслѣдовалась. Такъ, напримѣръ, ассоціаціи представлялись явленіемъ антигосударственнымъ. Въ государствѣ все было направлено исключительно къ охранѣ порядка и свободы, съ отреченіемъ отъ обязанности всесторонне пещись о благѣ гражданъ и съ особенно рѣзкимъ отрицаніемъ всякаго государственнаго вмѣшательства въ экономическую область жизни.

Именно эти особенности строя, бывшаго тогда „новымъ“, и были причиною, по которой соціализмъ могъ появиться съ такой силой и настойчивостью. Онъ явился, какъ реакція заброшеннаго коллективизма противъ торжествующаго индивидуализма. Маят-

никъ нарушеннаго равновѣсія качнулся въ противоположную сторону, и вслѣдствіе благопріятныхъ для этого причинъ размахнулся еще гораздо дальше, чѣмъ это было сдѣлано индивидуализмомъ первой революціи.

Соціализмъ выступилъ, какъ движеніе *односторонняго коллективизма*, и съ этимъ связаны всѣ его особенности, которыя, по мѣрѣ развитія соціализма, все болѣе обострялись. Таковы: отрицательное или *пренебрежительное отношеніе къ значенію личности*, а, слѣдовательно, и ко всему, личностью порождаемому. Такъ отрицается *семья*, *собственность*, *религія*, *групповая самостоятельность*. Съ пренебреженіемъ къ личности, и съ признаніемъ только коллективности—неизбѣжно было также все болѣе сильное развитіе *матеріализма*. Отъ этого же пренебреженія къ личности являлось отрицаніе исторической общественности, и поэтому все болѣе рѣзкая *революціонность* соціализма.

## II.

Всѣ эти особенности, доведенныя до наибольшей уродливости въ марксизмѣ съ его теоріей экономическаго матеріализма, замѣчаются, однако, уже и въ утопическомъ соціализмѣ, несмотря на его относительный идеализмъ. Фурье, напримѣръ, хочетъ строить свой фаланстеръ на комбинаціи страстей человѣка, то-есть какъ будто бы держится на почвѣ человѣческой психологіи. Однако и онъ настолько мало сознаетъ всю силу личности въ общественныхъ явленіяхъ, что можетъ полагать, будто бы люди до сихъ поръ еще никогда не жили сообразно своей природѣ, и только онъ, Фурье, открываетъ имъ къ этому пути. Но что же это была бы за жалкая „природа“, если бы она дожидалась явленія философа для того, чтобы почувствовать свои законы? Развѣ сила тяготѣнія ждала Ньютона для того, чтобы опредѣлить движеніе небесныхъ тѣлъ? Ясно, что сила природы личности совсѣмъ плохо сознавалась Фурье.

Что касается до истиннаго отца соціализма, Р. Оуена, то несамостоятельность личности, ея зависимость отъ внѣшнихъ условій, составляетъ уже основной догматъ его ученія. „Характеръ человѣка,—говоритъ онъ,—есть слѣдствіе его организаціи при вступленіи въ жизнь и вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ“... Начало всѣхъ золъ, обуревающихъ общество, Оуенъ видитъ въ ложномъ, по его мнѣнію, представленіи, что человѣкъ могъ создать свои собственныя качества, и что поэтому онъ долженъ быть отвѣт-

ствененъ передъ своими ближними. По Оуену — стоитъ только измѣнить внѣшнія условія, и человѣкъ начнетъ роковымъ образомъ измѣняться. Эта матеріалистичность, увѣренность въ „производности“ человѣческой личности изъ внѣшнихъ условій, доведена, наконецъ, до полнаго завершенія въ ученіи Маркса, который принялъ за аксіому (никогда не доказанную имъ), будто бы человѣкъ и его общественность суть созданіе условій добыванія пищи.

„*Способъ производства матеріальной жизни*, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей „Критикѣ Политической Экономіи“, *обусловливаетъ вообще соціальный, политическій и духовный процессъ жизни*. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественнымъ бытіемъ опредѣляется ихъ сознаніе“. Другъ и сотрудникъ Маркса, Ф. Энгельсъ, въ знаменитой брошюрѣ „Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ“, ставитъ матеріализмъ аксіомой человѣческаго существованія и утверждаетъ, что „вся исторія была исторіей борьбы классовъ, которые являются въ каждый данный моментъ *результатомъ условій производства и обмѣна*“.

„Идеализмъ (со времени открытія этой истины),—объявляетъ Энгельсъ,—изгнанъ изъ послѣдняго его убѣжища, изъ области исторіи: пониманіе исторіи стало матеріалистическимъ, и найденъ путь для объясненія человѣческаго *самосознанія* условіями человѣческаго *существованія*, вмѣсто прежняго объясненія этихъ условій человѣческимъ самосознаніемъ“.

Эта общая точка зрѣнія до такой степени отнимаетъ значеніе у личности, что для послѣдовательнаго соціалъ-демократа становится смѣшно даже говорить о „человѣческой природѣ“.

Извѣстный К. Каутскій, въ предисловіи къ „Государству будущаго“ Атлантикуса, говоритъ по этому поводу: „Наши противники выдвигаютъ противъ соціализма тотъ доводъ, что онъ противорѣчитъ природѣ человѣка. Допустимъ, что этотъ доводъ основателенъ. Но онъ ровно ничего еще не говоритъ противъ возможности осуществленія соціализма...“ Почему же? Потому что „главной движущей силой общественнаго развитія является не стремленіе согласовать его съ потребностями природы человѣка, а техническій прогрессъ. *Техника—вотъ въ конечномъ счетѣ основной факторъ, опредѣляющій формы общественнаго сотрудничества и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще формы общества*“. Поэтому: „разъ соціализмъ сдѣлается общественно-необходимымъ, то изъ всѣхъ столкновеній между нимъ и человѣческой приро-

дой онъ долженъ будетъ выходить побѣдителемъ, а она—побѣжденной, такъ какъ общество всегда оказывается сильнѣе человѣческой природы, то-есть индивидуума".

Такимъ образомъ для послѣдовательнаго марксиста личность есть совенное ничтожество. Она не рождаетъ общества, а сама имъ порождается. Общество же рождается изъ матеріальныхъ процессовъ впитыванія органическихъ веществъ той гигантской губкой, которая состоитъ изъ скопленій человѣческаго рода, облекающаго земной шаръ. Если это воззрѣніе выразить прямо и смѣло,—то должно сказать, что личности совсѣмъ не существуетъ. Это настоящая философія человѣческаго ничтожества.

Я сейчасъ сопоставлю ее съ тѣмъ, какъ смотритъ на себя историческое человѣчество, но предварительно долженъ замѣтить, что именующій себя „научнымъ" соціализмъ, въ дѣйствительности, никогда не совпадалъ съ научной соціологіей и государственной наукой XIX вѣка. Соціологія, со временъ Конта, шла совсѣмъ инымъ путемъ. Она постепенно все болѣе улавливала въ общественныхъ явленіяхъ законы органическаго характера, при чемъ и психологическій элементъ получалъ въ ней все болѣе признанія. Общество рисуется соціологіи, какъ нѣкоторый организмъ, съ частями дифференцированными, но въ то же время и съ ихъ координаціей, не съ одной „борьбой классовъ", но и съ взаимнымъ ихъ содѣйствіемъ, при чемъ *основой* общественности признается не какой-либо *внѣшній*, матеріальный процессъ, а внутренній обмѣнъ ощущеній, представленій и дѣйствій, то-есть элементъ психологическій.

Укажу мнѣнія такихъ талантливыхъ представителей современной соціологіи, какъ Альфредъ Фулье и А. В. Эспинасъ.

„Въ соціологіи, говоритъ Фулье, все держится вокругъ одного центральнаго понятія—*договорнаго организма*, осуществляющагося самимъ *сознаніемъ*, которое онъ имѣетъ о себѣ, и дѣятельнымъ импульсомъ идеи" („*Современная наука объ обществѣ*"). „Общество, говоритъ Эспинасъ, есть *живое существо*, отличающееся отъ другихъ (то-есть отъ организмовъ) тѣмъ, что оно создается прежде всего *сознаніемъ*. Общество есть *организмъ идей*" („*Соціальная жизнь животныхъ*"). Какъ видимъ, это очень далеко отъ „техники производства", какъ создательницы будто бы общества.

Впрочемъ, научная несостоятельность всѣхъ пунктовъ доктрины Маркса за послѣднее десятилѣтіе вынудила чуть ли не единственнаго талантливаго ученика его, Э. Бернштейна, попы-

таться внести поправки въ его ученіе, поправки, отъ которыхъ у Маркса вь сущности не остается, какъ говорится, живого мѣста.

## III.

Чѣмъ болѣе заканчивалъ соціализмъ свое міросозерцаніе и истекающіе изъ него планы общественнаго устройства, тѣмъ глубже становилась пропасть между нимъ и тѣмъ, чѣмъ было создано и чѣмъ живетъ человѣческое общество. Сопоставимъ же ихъ основы и идеалы, при чемъ должно обратить особое вниманіе на то, какимъ путемъ сложились основы и идеалы исторической общественности.

Каково бы ни было начало общества—семья или стадо, во всякомъ случаѣ слагаемой единицей его является *человѣкъ*, *личность*. Самое скопленіе людей въ общество происходитъ не такъ, какъ груда камней, но производится посредствомъ нашихъ чувствъ и желаній. Связь между людьми создается ихъ внутренними желаніями и посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а не безвольнымъ сроченіемъ, какъ въ клѣточкахъ растеній. Соединеніе людей въ нѣчто единое, даже и случайная толпа, возможно только при посредствѣ ихъ чувствъ и представленій. Итакъ, безъ психологическихъ свойствъ личности невозможно никакое общество, и никакой процессъ „производственный“ или какой иной— не можетъ безъ этого собрать и соединить людей.

Но, вступая между собою въ общественную связь, всѣ личности уже подчиняются взаимному вліянію, попадаютъ подъ дѣйствіе законовъ *ассоціаціи*, *коопераціи*.

Въ этихъ законахъ совмѣстнаго дѣйствія многое напоминаетъ явленія механическія, какъ, напримѣръ, дѣйствіе по линіи наименьшаго сопротивленія, правила сложенія силы, ихъ координація и раздѣленіе. Подъ вліяніемъ этого общество складывается въ нѣчто, напоминающее организмъ, съ той разницей, что его основная единица—личность, остается всегда существомъ, болѣе или менѣе свободнымъ, дающимъ импульсы своего произвола. Общество же, въ своемъ давленіи на личность, также не имѣетъ другихъ способовъ, какъ вліять на чувство и сознаніе и черезъ чувство и сознаніе. При какой угодно дисциплинѣ, орудіями дѣйствія общества являются сами люди, способные имѣть произвольныя стремленія и лишь по стольку способные дѣйствовать, поскольку могутъ развивать свою внутреннюю, произвольную силу.

Источникъ силы общества, такимъ образомъ,—исключительно въ личности. Чего не развила личность, того и въ обществѣ неоткуда взять. Съ другой стороны—общество ставитъ личность въ извѣстныя рамки, съ которыми также невозможно не сообразоваться, ибо онѣ даютъ ей средства дѣйствія. Въ общей сложности въ обществѣ, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, съ начала возникновенія и до конца вѣковъ, пребываютъ два основные принципа: *индивидуализмъ* и *коллективизмъ*, совершенно неразрывные.

Изъ ихъ сочетанія развиваются тѣ необходимыя условія существованія общественности, которыя мы называемъ *основами*, такъ какъ съ нарушеніемъ ихъ она разрушается. Сообразно содержанію этихъ основъ у насъ, въ нравственномъ отношеніи, являются ихъ *идеалы*, а въ юридическомъ отношеніи—рядъ извѣстныхъ *правъ*. Соотвѣтственно двойственнымъ факторамъ общественности, нѣкоторыя основы истекаютъ изъ природы личности, индивидуальности, нѣкоторыя изъ природы совмѣстнаго дѣйствія, коллективности. Отсюда развиваются наши идеалы личности, идеалы общественныхъ условій, а, сообразно съ этимъ, рядъ правъ личности и рядъ правъ общества.

Личность, въ которой рождается и умъ и чувство, весь психологическій матеріалъ, имѣющійся для созиданія общества, должна быть, по идеалу, какъ можно выше, сильнѣе, развитѣе и независимѣе, а, стало быть, обезпечена и въ условіяхъ своего творчества. Она не можетъ творить иначе, какъ будучи хозяйкой твоего творчества, а, слѣдовательно,—владѣя и созданіями его, которыя суть не что иное, какъ частички ея самой, продолженіе внутренней силы личности во внѣшней средѣ и опорные пункты для дальнѣйшаго приложенія ея силы. Отсюда—рядъ *правъ личности*.

Творчество личности проявляется очень разнообразно. Таковы: мысль, идея, вѣрованіе, образъ въ томъ или иномъ воплощеніи, слово и т. д. Всѣ эти проявленія личности суть частички ея самой. За ихъ принадлежность себѣ, то-есть за ихъ свободу, личность держится и борется такъ же, какъ за свою жизнь. Она предъявляетъ обществу требованіе *права* на эту свою *собственность*. Это есть не что иное, какъ требованіе права на свою жизнь и ея проявленія, и общество всегда признавало его, не могло бы не признать, потому что люди своимъ протестомъ, сво-

имъ бунтомъ, мгновенно уничтожатъ такую нелѣпую организацію, которая поставила бы цѣлью ихъ задушеніе.

Общее право на жизнь и ея проявленія, и ея созданія, развивается по мѣрѣ развитія человѣка. Въ отдѣльныхъ проявленіяхъ оно создаетъ *свободу мысли*, *слова*, *дѣятельности*, *то-есть между прочимъ и труда*.

Отсюда возникаетъ и *право собственности вещной*, матеріальной.

То, что человѣкъ, тратой умственныхъ и физическихъ силъ своей личности, покорилъ себѣ во внѣшней природѣ, присоединилъ къ себѣ—есть его *собственность*. Право собственности есть право свободнаго созданія и условіе его, ибо безъ этихъ своихъ внѣшнихъ созданій человѣкъ, сколько бы ни жилъ, сколько бы ни создавалъ, остается такъ же слабъ, какъ въ первый моментъ своего дѣйствія.

Такимъ же созданіемъ личности является группировка другихъ людей, и прежде всего *семья*. Смотря по развитости человѣка, какъ существа полузвѣринаго или высоко культурнаго, онъ вносилъ не одинаковыя качества силы въ созданіе того интимнаго уголка своей жизни, который называется семьей, онъ не одинаково его организовывалъ, но одинаково стоитъ за незыблемую принадлежность себѣ этого своего созданія, которое поэтому выростаетъ въ одну изъ *основъ* общественности.

Организаціонная дѣятельность личности проявляется и не только въ формѣ семьи, но также въ различныхъ группахъ корпоративнаго характера, которыя почему-либо ему нужны. Отсюда является право ассоціацій, обществъ и т. д. Все это составляетъ право личности на созданіе для себя той или иной обстановки.

Такимъ образомъ, личность порождаетъ цѣлый рядъ условій, которыя въ общественности являются *основами* и облекаются *правомъ*. Всѣ они суть развѣтвленія общаго права на жизнь. Необходимыя для личности, они столь же необходимы и для общества, ибо оно можетъ состоять не изъ труповъ, не изъ камней, а только изъ живыхъ людей. Оно само тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оживотвореннѣе его члены. Имъ же для этого требуется незыблемость указанныхъ основъ и правъ. Поэтому, съ самой зари человѣческой общественности, мы и видимъ въ ней болѣе или менѣе ясное право собственности, семью и свободу личности (поскольку развита личность данной эпохи)—какъ постоянныя *основы общества*.

Съ другой стороны элементъ коллективности, участвующій въ созданіи общественности, привноситъ и со своей стороны рядъ не менѣе незыблемыхъ *основъ*. Таковы: *власть*, *порядокъ*, то-есть поддержаніе такого обязательнаго способа дѣйствій, при которомъ всякій заранѣе знаетъ, какъ поступитъ другой членъ общества при данныхъ условіяхъ. Далѣе: *законность*, то-есть опредѣленное для всѣхъ неизмѣнное обезпеченіе правъ каждаго.

Подъ вліяніемъ той внутренней группировки, которая происходитъ при соединеніи однородныхъ общественныхъ слоевъ—общество всегда представляется многослойнымъ, разбитымъ на классы, сословія и т. п. Для объединенія этихъ силъ, нерѣдко противоположныхъ и способныхъ вступать между собою въ борьбу,—возникаетъ *государственность*, то-есть организованная власть цѣлаго надъ частями. Идея государства состоитъ въ томъ, чтобы права всѣхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ были одинаково обезпечены, и поставлены въ гармонію съ существованіемъ цѣлаго общества. Въ государствѣ находитъ юридическое осуществленіе то, что въ идеалѣ называется *справедливостью* и *гармоніей интересовъ*.

Должно сказать, что гармонія интересовъ есть дѣйствительный элементъ общественности. Она кроется въ самихъ законахъ жизни. Состоя изъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, общество заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ немало явленій борьбы между ними. Но идея общественности состоитъ не въ этой борьбѣ, а въ той координаціи силъ, посредствомъ которой достигается ихъ гармоническое содѣйствіе. Если эта гармонія исчезаетъ—общество разрушается борьбой. Условія гармоніи, однако, заключается въ самой природѣ вещей, ибо различіе способностей и спеціализація занятій имѣютъ своимъ слѣдствіемъ то, что люди и классы дополняютъ другъ друга, даютъ одинъ другому то, чего въ каждомъ недостаетъ. Такъ какъ отъ этой гармоніи интересовъ зависитъ самая возможность общества, то она стала *идеаломъ* и мѣркою достоинства учрежденій даннаго государства.

Надъ всѣми этими условіями личнаго и общественнаго существованія распростерта еще область *религіи*, о чемъ также невозможно не сказать нѣсколько словъ, говоря вообще объ идеальной сторонѣ человѣческаго существованія.

Соціально философскій смыслъ религіи состоитъ въ томъ, что человѣкъ ищетъ полной гармоніи своей жизни въ связи съ самымъ Источникомъ творческой силы, ощущая, что только при

такой связи его жизнь, его творчество—можетъ быть правильно и твердо.

Отсюда—исканіе связи съ Богомъ. Религія—по смыслу слова, значитъ „связь“. Въ различныя эпохи своего развитія, человѣкъ не одинаково представлялъ себѣ своего Создателя, но исканіе Его именно въ *духовной* области, увѣренность въ существованіи духовнаго міра, и исканіе съ нимъ связи—человѣкъ всегда считалъ источникомъ своей силы. Къ богамъ обращаются герои древности, въ подвигѣ и вдохновеніи видятъ помощь свыше. И, дѣйствительно, наивысшую степень смѣлости и независимости давала человѣку именно религія.

Общество, это жилище личности, также издревле ставило свои учрежденія подъ покровительство Божества. Такъ было въ шалашахъ дикарей. А 50 лѣтъ назадъ величайшая изъ республикъ міра, празднуя свой столѣтній юбилей, въ торжественномъ оффиціальномъ актѣ конгресса заявила благодарность американской націи великому Богу, сто лѣтъ ее хранившему и ведшему къ преуспѣянію.

Соединяя насъ съ Высшимъ Источникомъ бытія, религія получаетъ особенно важное соціальное значеніе оттого, что ставитъ передъ человѣчествомъ требованіе *высшей правды*, универсальной, которая стоитъ выше всѣхъ интересовъ человѣка или общества и служитъ послѣдней аппеляціонной инстанціей по вопросу о справедливости ихъ дѣйствій и учрежденій.

Таковъ бѣглый обзоръ соціальныхъ основъ. Онѣ, какъ видите, не изобрѣтены какимъ-нибудь философомъ, не созданы законодателемъ, но вытекли изъ самой природы зиждительныхъ силъ общественности. Онѣ не ждали появленія какого-нибудь ученаго, чтобы начать дѣйствовать, а дѣйствовали всегда и измѣнялись только въ смыслѣ прогрессивнаго развитія, по мѣрѣ развитія самого человѣка. Наша наука—только поняла ихъ. Наше право только признало юридически то, что являлось правомъ по закону природы. Нашъ идеалъ—только выразилъ высшую идею явленія.

Въ своей совокупности эти природныя основы нравственно и матеріально объединяютъ личность и общество и порождаютъ идеалъ такой личности, которая наиболѣе пригодна для созиданія общества, и идеалъ такого общества, которое способно вмѣстить даже самую высокую личность, не забывая и самую скромную. Такая гармонія личности и общества рождаетъ между ними

нравственную близость, изъ которой вытекаетъ святое чувство *патріотизма*, любви къ отечеству, готовности жить для него и умереть за него.

И этотъ вѣнецъ общественныхъ чувствъ также не выдуманъ философами, не установленъ законодателями. Мы можемъ учиться этому великому чувству уже на самой зарѣ общественности.

Что же сохраняетъ, что развиваетъ соціализмъ изъ этихъ основъ и идеаловъ человѣческой исторіи?

## IV.

По прямому смыслу своей идеи соціализмъ прямо разрушаетъ всѣ эти основы, на которыхъ мы поднялись до высоты дѣйствительно человѣческаго существованія.

П. Лавровъ возражалъ противъ надеждъ Шефле на нѣкоторое сохраненіе ихъ, точно такъ же, какъ недавно Каутскій возражалъ Атлантикусу.

„Изъ самой сущности соціалистическаго строя, говоритъ Лавровъ, слѣдуетъ, что когда онъ вполнѣ установится, онъ не можетъ сохранить въ значительной степени нынѣшней семьи, нынѣшней собственности, нынѣшняго государства, нынѣшней религіи.“ („Сущность соціализма“ Шефле, прим. Лаврова). Но это сказано очень мягко. Въ дѣйствительности, соціализмъ не хочетъ и не можетъ допустить изъ нихъ ничего, кромѣ развѣ названій.

Нѣкоторые политиканы соціализма изъявляютъ готовность терпѣть на первое время кое-какіе остатки частной собственности. Но уже „Манифестъ Коммунистической партіи“ заявилъ прямо: „Коммунисты могутъ выразить свою теорію словами: *уничтоженіе частной собственности*“. Самъ Лавровъ справедливо говоритъ, что „каковы бы ни были другіе пріемы соціальной революціи, одно безспорно: она должна начаться *немедленнымъ и неуклоннымъ* обращеніемъ всякаго имущества частнаго, имущества группъ, имущества государственнаго, — въ имущество *общее*. Существованіе рядомъ, даже временное, соціалистическаго строя и частной собственности представляетъ самую грозную опасность для новаго соціалистическаго строя“ („Госуд. элем. въ будущ. обществѣ“). Это совершенно справедливо. Въ послѣдней книгѣ своей „Новое ученіе о государствѣ“ А. Менгеръ точно такъ же, хотя и употребляетъ слово „собственность“ въ соціализмѣ, но подробно объясняетъ, что это за „собственность“! Никакихъ орудій производства по соціалистическому „праву“ нельзя давать отдѣль-

ному лицу даже въ пользованіе. Никакихъ предметовъ долговременнаго пользованія (какъ жилищъ, напримѣръ)—нельзя давать въ частную собственность. Все это принадлежитъ исключительно государству. Право частной собственности соціалистическимъ правомъ Менгера допускается лишь на предметы непосредственнаго потребленія, въ родѣ пищи и одежды, да и при этомъ допускается лишь право *употребленія*, но не *распоряженія*. „Право распоряженія собственника (?) по отношенію къ потребляемымъ вещамъ, говоритъ этотъ своеобразный юристъ соціализма, должно бы подвергнуться коренному ограниченію“ въ томъ смыслѣ, чтобы не могло отсюда возникать никакихъ обязательствъ между отдѣльными „гражданами“ (стр. 107 и сл.).

Такимъ образомъ, собственность принадлежитъ только цѣлому обществу. Отдѣльнымъ же злополучнымъ „гражданамъ“ дается лишь право жить на общественный счетъ. Но это не есть собственность, а нѣчто совсѣмъ иное — „право потребленія.“ Собственность состоитъ вовсе не въ правѣ непремѣнно потребленія, а именно въ *обладаніи*, въ распоряженіи по своему свободному усмотрѣнію. Такое право въ соціализмѣ присваивается исключительно государству.

Какъ право человѣка и гражданина, оно совершенно уничтожается, и то обладаніе вещами, которое составляетъ право собственности, переходитъ въ разрядъ государственныхъ регалій, выражаясь нынѣшней терминологіей.

Такимъ образомъ не „нынѣшняя“ собственность, не „буржуазная“, уничтожается въ соціализмѣ, а вообще собственность, какъ институтъ.

Точно также уничтожается соціализмомъ не „нынѣшняя семья“, а вообще семья. Человѣческая семья есть *учрежденіе*, нѣкоторый обязательный союзъ, съ правами и обязанностями своихъ членовъ въ отношеніи другъ друга. Она пережила въ исторіи много различныхъ формъ. Но при всѣхъ разнообразныхъ формахъ, семья оставалась учрежденіемъ, обязательнымъ для своихъ членовъ и для всего общества. Такого учрежденія у соціалистовъ уже не будетъ. То, что они обѣщаютъ сохранить, подъ наименованіемъ семьи, есть простое сожительство мужчины и женщины, при чемъ ничего обязательнаго въ отношеніи другъ друга они не имѣютъ: могутъ сходиться и расходиться свободно, сколько и когда угодно. Никакого общественнаго значенія ихъ союзъ не имѣетъ, и никакихъ правъ передъ обществомъ не по-

лучаетъ, да и не можетъ получить, ибо права мыслимы лишь въ отношеніи какого-нибудь обязательнаго союза. У соціалистовъ можно заключать такой „союзъ“ каждый день сызнова. Какія же „права“ можетъ онъ имѣть? Даже на дѣтей, происшедшихъ въ результатѣ сожительства, сами родители не могутъ имѣть правъ, потому что обязанность воспитанія и право имъ распоряжаться переходитъ отъ родителей къ обществу. Единственное вмѣшательство общества во отношенія сожительствующихъ, какое можетъ явиться при соціалистическомъ строѣ, можетъ развѣ состоять въ требованіи, чтобы они не производили дѣтей больше, чѣмъ требуется по соображеніямъ пропитывающаго и воспитывающаго ихъ общества.

Какъ бы то ни было, въ соціалистическомъ строѣ семьи совсѣмъ нѣтъ, а есть *право свободнаго сожительства*. Это не только не имѣетъ ничего общаго съ семьей, но даже составляетъ нѣчто прямо противоположное.

Относительно религіи излишне даже говорить. Достаточно вспомнить общее матеріалистическое міросозерцаніе соціализма, исключающее всякую мысль о Богѣ. Религія, какъ опредѣляетъ К. Марксъ, есть „извращенное міросозерцаніе“. „Она есть фантастическое осуществленіе человѣческой сущности“. „Человѣкъ творитъ религію, а не религія человѣка“ и т. д. Религія въ соціалистическомъ обществѣ можетъ быть допущена развѣ только въ видѣ личной философіи, да и то на правахъ „суевѣрія“. Самъ Лавровъ объясняетъ, что въ соціалистическомъ обществѣ религія должна „атрофироваться“...

Дѣйствительно, не трудно видѣть, что соціализмъ долженъ вести прямую борьбу противъ религіи, какъ живого фактора, обязывающаго человѣка къ извѣстному образу жизни и дѣйствія. Въ соціалистическомъ строѣ жизнь человѣка не можетъ быть устраиваема по личному усмотрѣнію, но должна быть обязательно сообразована съ „техникой производства“, этимъ истиннымъ соціалистическимъ божествомъ, творящимъ людей. Слѣдовательно нельзя допускать вмѣшательства „посторонней“ силы—Бога, Который требуетъ, чтобы человѣкъ жилъ по Его закону. Болѣе чѣмъ какое-либо основное явленіе человѣческой культуры, религія не совмѣстима съ соціализмомъ, даже какъ личное вѣрованіе. Но вѣдь всякая религія сверхъ того стремится къ объединенію вѣрующихъ въ особое сообщество, въ Церковь... Этого ужъ соціализмъ ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ. Съ его сто-

роны это было бы безуміе, такъ какъ религіозное сообщество непремѣнно создастъ себѣ свой самостоятельный образъ жизни и дѣйствій, въ нарушеніе соціалистическаго порядка.

Недаромъ же соціализмъ, даже не достигши господства, уже такъ страстно борется противъ Христіанства, повсюду, гдѣ съ нимъ встрѣчается.

Что сказать, далѣе, о *государствѣ?* Это вопросъ, который соціализмъ очень запутываетъ для общественнаго пониманія. Въ принципѣ, на словахъ, соціализмъ вообще говоритъ, будто бы при его осуществленіи государства не будетъ, а вмѣсто этого будетъ какое то невообразимое самостоятельное сплоченіе производительныхъ группъ, которыя самимъ процессомъ производства будутъ построены въ нѣкоторую организацію. Легко по пунктамъ доказать, что это совершенно невозможно, и что соціализмъ непремѣнно долженъ будетъ создать общегосударственную власть. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти фантасмагоріи соціализмъ обѣщаетъ только въ отдаленномъ будущемъ, какъ средство же переворота и устроенія — онъ усваиваетъ государство, только въ совершенно изуродованномъ видѣ.

Соціализмъ отрицаетъ *современное* государство, ложно увѣряя, будто бы наше государство есть не болѣе какъ организованное господство одного класса надъ другимъ. Въ отношеніи нашего государства это совершенная неправда. Именно наше государство, по своей идеѣ и цѣлямъ, есть организація общенаціональной, внѣ классовой, власти, которая обязана блюсти надъ тѣмъ, чтобы никто никого не эксплуатировалъ, и чтобы права всѣхъ были одинаково охранены. Конечно такую машину немало эксплуататоровъ старается захватить подъ свое вліяніе, но мы называемъ это узурпаціей, и въ общей сложности историческое государство все же исполняло свою цѣль, и люди его постоянно усовершенствуютъ именно для того, чтобы оно было наименѣе доступно какимъ-нибудь своекорыстнымъ захватамъ.

Такъ вотъ это то государство соціализмъ, по ложному обвиненію противъ его идеи, хочетъ уничтожить, но для себя создаетъ то *классовое государство*, которое дѣйствительно было бы организованнымъ разбоемъ, если бы люди въ исторіи создавали его.

Онъ хочетъ захватить государственную власть въ руки одного класса „пролетаріевъ“ и начать устраивать соціалистическій строй посредствомъ *диктатуры пролетаріата*. И ужъ только пе-

ресоздавъ міръ посредствомъ этого классоваго „пролетарскаго“ государства, соціализмъ обѣщаетъ совсѣмъ его уничтожить...

Можетъ ли онъ исполнить свое обѣщаніе? Этому конечно способно повѣрить только наивное дитя. Соціалисты волей неволей непремѣнно принуждены будутъ или вѣчно держать въ своихъ рукахъ государство, или же ихъ строй будетъ разрушенъ, какъ только они будутъ имѣть безуміе выпустить власть. Но это предметъ, который требовалъ бы своего спеціальнаго разсмотрѣнія, отчасти сдѣланнаго мною ранѣе въ книжкѣ „Демократія либеральная и соціальная“. Въ настоящее же время мнѣ достаточно констатировать, что соціализмъ и въ отношеніи государства, какъ въ отношеніи семьи и собственности, создаетъ нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ тѣми основами, на которыхъ само человѣчество жило и развивалось.

Мы будемъ говорить ниже о практикѣ соціализма. Но уже самой идеей своей онъ подрываетъ все высокое, чѣмъ живетъ историческое человѣчество.

Онъ отрываетъ человѣка отъ той почвы, на которой онъ выросъ, отрываетъ его отъ источниковъ духовной силы, отъ историческихъ источниковъ, его породившихъ. Что такое Богъ для человѣка, проникшагося соціалистической идеей? Ничто, плодъ суевѣрія. Что такое человѣчество? Какой-то мохъ, обростающій земной шаръ и выращиваемый вліяніемъ впитыванія земныхъ соковъ. Никакой нравственной связи между нами и такимъ человѣчествомъ нѣтъ, ибо оно, по этой бездушной теоріи, если и создало насъ, то не своимъ разумомъ, чувствомъ, заботливостью о грядущихъ поколѣніяхъ, а такъ же невольно и безсознательно, какъ солнце, одинаково равнодушно испускающее лучи на безлюдную и безплодную луну, и на землю, населенную разумными существами. Какое нравственное отношеніе можетъ быть у насъ къ Бруту, къ Цезарю, или древнимъ юристамъ, вырабатывавшимъ нормы общечеловѣческаго права? Никакого. Они всѣ, съ своими подвигами и кодексами, были созданіемъ техническихъ условій производства своихъ эпохъ... Человѣческій элементъ исчезаетъ въ исторіи, и нравственная связь между этими тысячелѣтіями, гдѣ столько великихъ умовъ и самоотверженныхъ совѣстей трудились на пользу человѣчества—исчезаетъ: она не имѣетъ смысла, если нѣтъ человѣка, какъ создателя исторіи. Въ такихъ чувствахъ и понятіяхъ воспитываетъ идея соціализма своихъ учениковъ. Онъ упраздняетъ понятіе о человѣчествѣ, какъ

о чемъ-то разумномъ, заботящемся о будущемъ, и оставившемъ великое наслѣдство намъ, какъ прадѣдъ правнуку. Тѣмъ болѣе онъ упраздняетъ понятіе объ отечествѣ.

В. С. Соловьевъ, въ своихъ „Трехъ разговорахъ“, говоритъ, что у самаго безроднаго человѣка есть по крайней мѣрѣ два великихъ предка: отечество и человѣчество. Соціализмъ отнимаетъ у насъ этихъ великихъ предковъ, отрекается отъ нихъ, отрекается отъ ихъ дѣла и наслѣдія... А между тѣмъ только глубокая ложность соціалистической идеи порождаетъ такое отщепенство.

.Все, что мы знаемъ въ исторіи, вся наша наука совершенно безспорно доказываетъ реальность того, что гласитъ въ душѣ нашей здоровое чувство. Есть и человѣчество, есть и отечество!

Государственное право и соціалогія свидѣтельствуютъ намъ, что отечество было и есть преемственный союзъ поколѣній, вѣка и тысячелѣтія существующій развитіемъ одной, наслѣдственно передаваемой идеи общаго блага, союзъ преемственно занимавшійся развитіемъ общихъ средствъ жизни, общей возможно лучшей и справедливой организаціи, и бывшій дѣйствительно заботливымъ отцомъ нашимъ, потому что отечество нерѣдко терпѣло всякія страданія и лишенія въ сознательныхъ цѣляхъ блага будущихъ поколѣній. Но соціализмъ все это упраздняетъ и оклеветываетъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“ на развалинахъ всѣхъ отечествъ, провозглашаетъ онъ... Всѣ государства были, по его утвержденію, только системой грабежа однихъ классовъ надъ другими. Великія преданія отечества—выставляются соціализмомъ, какъ идеалогія и поэзія хищниковъ, въ ту или иную эпоху заѣдавшихъ побѣжденныхъ.

Но если нѣтъ отечества, то есть ли у соціализма хоть общечеловѣческая солидарность? Есть ли общечеловѣческое братство? Нѣтъ ничего подобнаго. По его идеѣ нужно сначала отобрать у хозяина фабрику: тогда можетъ быть явится братство и солидарность. Но ни въ исторіи, ни теперь—для соціализма нѣтъ братства. Есть только враждующіе классы. Буржуа — братъ только для буржуа, метранпажъ для метранпажа, наборщикъ для наборщика... Людей нѣтъ на свѣтѣ, есть только профессіи...

Можно ли, однако, придумать болѣе явную неправду, когда каждый порядочный человѣкъ въ своемъ собственномъ чувствѣ прекрасно знаетъ, что онъ любитъ *человѣческое существо*, а не классъ или должность? Кто же, имѣя малѣйшее нравственное

развитіе, не считаетъ своимъ *братомъ* порядочнаго человѣка чужого класса, даже воюющаго противъ него, болѣе чѣмъ какого-либо отупѣлаго или озвѣрѣлаго члена своего сословія? А между тѣмъ соціалистическая идея отрицаетъ эти несомнѣнныя высочайшія чувства человѣка, и своей пропагандой по мѣрѣ возможности старается ихъ разрушить.

## V.

Что же сказать послѣ такого сопоставленія общественныхъ идеаловъ и творчества—съ одной стороны человѣчества, съ другой той „секты“ его, которую составляетъ соціалистическое движеніе? Для того, кто дѣйствительно есть наслѣдникъ человѣческой культуры, ясно, какъ день, что и фактическая правда, и высота, и сила, и благо людей,—все находится на сторонѣ общечеловѣческой, а не соціалистической идеи, и если міру еще не наступаетъ время уничтожиться, то торжество соціализма есть химера. Онъ если и можетъ восторжествовать, то лишь для того, чтобы быстро погибнуть въ полномъ хаосѣ и рабствѣ.

Общество, которое намъ теоретически рисуетъ соціализмъ—это тѣло безъ души. Изъ него вынуто творческое начало, то, что дѣйствительно есть зиждущая сила, то-есть личность, индивидуальность. Дѣйствіе души онъ думаетъ замѣнить дѣйствіемъ механизма.

Считая человѣка рабскимъ созданіемъ внѣшнихъ условій, соціализмъ не умѣетъ ему посовѣтовать ничего лучшаго, какъ приспособленіе къ условіямъ производства, явившимся въ наше время. Онъ полагаетъ, что современное производство превратило общество въ гигантскій муравейникъ, гдѣ всякій отдѣльно взятый человѣкъ не имѣетъ никакого значенія, и самъ для себя ничего не устраиваетъ, но все совершается по велѣніямъ производства. Такое воображаемое состояніе соціализмъ предлагаетъ увѣковѣчить съ той разницей, что, вмѣсто единоличнаго хозяина фабрики, явится новый коллективный хозяинъ „общество“. Ни человѣку, ни группѣ людей тогда уже нечего будетъ думать о своемъ устройствѣ, не дозволено будетъ требовать и какого-нибудь самостоятельнаго устройства. Но толкать людей на путь такой реформы, значитъ деморализировать личность въ борьбѣ съ внѣшними условіями.

Соціализмъ, при своемъ презрѣніи къ личности, думаетъ, будто бы она не можетъ сама ставить себѣ „цѣлей“ и приво-

дить ихъ къ исполненію. Но въ дѣйствительности, въ теченіе всей Исторіи, человѣчество жило и развивалось только тѣмъ, что ставило себѣ цѣли и ихъ осуществляло. Достаточно и теперь взглянуть вокругъ себя. Ежедневно, по всѣмъ государствамъ, учрежденіямъ и обществамъ, всѣ законы, постановленія, рѣшенія властей и собраній направлены и въ цѣломъ и въ частностяхъ только къ одному: приспособить внѣшнія условія къ требованіямъ и нуждамъ людей. Всегда и всюду люди не столько приспособляются къ внѣшнимъ условіямъ, какъ стараются ихъ къ себѣ приспособить. И только въ этомъ источникъ прогресса.

Конечно человѣкъ не всесильное существо. Видя себя въ извѣстныхъ условіяхъ природы, дикой или уже видоизмѣненной условіями техники, онъ къ нимъ поневолѣ приспособляется, но при этомъ всегда привноситъ къ нимъ свою критическую оцѣнку, съ точки зрѣнія своихъ удобствъ и желаній. Онъ приспособляется къ нимъ только для того, чтобы ихъ приспособить къ себѣ. Приспособляясь къ ткацкому станку, человѣкъ непрерывно занятъ мыслью: какъ бы этотъ станокъ получше приспособить къ себѣ? Отсюда всѣ усовершенствованія техники, всѣ изобрѣтенія, въ которыхъ постоянная мысль человѣка: устроить технику такъ, чтобы ему было хорошо, выгодно и удобно.

„Формы общественнаго сотрудничества опредѣляются техникой“, говоритъ соціализмъ, но не замѣчаетъ самаго главнаго: что опредѣляющей силой является самъ *человѣкъ*. Приспособляя форму сотрудничества къ условіямъ техники, человѣкъ думаетъ однако: пріятна ли, удобна ли ему форма сотрудничества, въ которую пришлось стать, и если она противна его природѣ, не нравится ему, то онъ старается переломить условія техники, изобрѣсти на мѣсто данныхъ ея условій какія нибудь иныя—*въ чемъ всегда оказывается, въ концѣ счета, побѣдителемъ человѣкъ, а не техника.*

Въ исторіи труда мы, дѣйствительно, постоянно видимъ, что формы сотрудничества, и вообще формы общественности, сами давятъ на технику производства. Такъ, напримѣръ, во времена цеховъ, усовершенствованныя машины не могли прививаться: рабочіе ихъ не допускали и даже силой уничтожали, потому что ихъ введеніе угрожало разрушить цеховую форму сотрудничества. У насъ въ настоящее время общинное землевладѣніе страшно давитъ на всю технику земледѣлія. Въ обоихъ случаяхъ это вредно для техники, и однако она принуждена подчиняться, сообразо-

ваться съ общественнымъ строемъ. Впослѣдствіи, какъ говоритъ соціализмъ, машина побѣдила цеховой строй, но почему она могла достичь побѣды? Только потому, что нашлись человѣческія массы, которымъ она была выгоднѣе, чѣмъ цеховая техника, и притомъ такія человѣческія массы, для общественнаго строя которыхъ машина была болѣе подходящей.

Дѣйствительно, появленіе капиталистической промышленности стало возможно только тогда, когда въ городахъ образовались значительныя скопленія сбродныхъ обезземеленныхъ рабочихъ, не имѣвшихъ никакого техническаго образованія. Въ цехи они не могли быть приняты. И вотъ фабрика, гдѣ искусство рабочаго замѣнялось машиной, и которая требовала большого количества рабочихъ какъ можно менѣе обезпеченныхъ, чтобы трудиться подешевле,—эта фабрика явилась наиболѣе подходящей формой сотрудничества для *такихъ* людей, почему и восторжествовала. Люди, составлявшіе огромное большинство, ввели такую форму техники, которая наилучше имъ соотвѣтствовала. Значитъ и тутъ не техника побѣдила людей, а одни люди побѣдили другихъ.

Но, скажутъ соціалисты, въ концѣ счета возобладала капиталистическая техника. Да, но потому, что она была выгоднѣе для самихъ людей, она „нищему пролетаріату“ дала возможность стать „рабочимъ пролетаріатомъ“. Сверхъ того „конца счету“ нѣтъ еще, да и не будетъ, пока живъ человѣкъ. Человѣкъ работаетъ и нынѣ надъ приспособленіемъ новыхъ формъ техники къ своимъ желаніямъ. Несмотря на то, что соціализмъ, своимъ вреднымъ вліяніемъ, отнимаетъ множество силъ отъ этой работы, по всѣмъ культурнымъ странамъ идутъ старанія приспособить новыя формы техники къ обычнымъ историческимъ формамъ общественности. Для этого люди пользуются своими испытанными историческими средствами: личной иниціативы, групповой организаціи и государственной организаціи. На этомъ поприщѣ сдѣлано уже такъ много, что самъ соціализмъ начинаетъ пугаться за свою участь. Особенно много сдѣлано въ Англіи, гдѣ рабочіе раньше другихъ откинули соціалистическія стремленія.

Въ той работѣ, которую всѣ страны производятъ для приспособленія новыхъ условій производства къ вѣчнымъ формамъ своей общественности, мы видимъ, что рабочій разными способами превращается изъ простого „пролетарія“, продавца рабочей

силы, въ участника производства, видимъ, что рабочіе организуются въ профессіональные союзы, входящіе въ соглашенія съ предпринимателями, организуютъ множество кооперативныхъ обществъ и т. д., вообще приспособляютъ новыя условія производства къ принципу частной собственности. Точно такъ же рабочіе охраняютъ свою семью, при чемъ имъ на помощь является государственное законодательство. Вообще государство, за послѣднія пять-шесть десятилѣтій, своей экономической политикой и рабочимъ законодательствомъ—служитъ живымъ опроверженіемъ возводимыхъ соціалистической теоріей клеветъ противъ него. А между тѣмъ роль государства по устроенію экономическихъ отношеній только началась, и ей еще предстоитъ широкая будущность.

Дѣло въ томъ, что пока промышленность работаетъ такъ сильно на иностранные рынки—государству трудно регулировать производство, по отсутствію международной власти, способной за этимъ слѣдить. Капитализмъ и созданъ главнѣйшимъ образомъ работой на внѣшніе рынки. Но времена иностраннаго рынка кончаются по мѣрѣ уравненія промышленнаго развитія всѣхъ странъ. Уже скоро всѣмъ націямъ придется подумать объ организаціи промышленности примѣнительно къ требованіямъ своего собственнаго рынка. Тогда-то государство гораздо легче можетъ войти въ задачу—разумно сообразовать производство съ потребленіемъ. Для этого нѣтъ надобности въ соціализмѣ, а возвращеніе блуднаго сына промышленности въ отеческій домъ еще болѣе воскреситъ и укрѣпитъ ту идею Отечества, которую нынѣ такъ неблагодарно и безсердечно старается подорвать соціализмъ въ гражданахъ каждой страны.

Но и помимо дѣятельности государственныхъ и общественныхъ учрежденій,—самъ прогрессъ изобрѣтеній идетъ на помощь не только крупной промышленности, но и мелкой. Онъ поддерживаетъ мелкаго производителя въ борьбѣ съ фабрикою настолько, что предсказаніе Маркса о сконцентрированіи всѣхъ рабочихъ на немногихъ огромныхъ фабрикахъ совершенно не оправдалось, и мелкое производство даетъ хлѣбъ большему числу рабочихъ, чѣмъ крупное. Примѣненіе электричества къ мелкимъ двигателямъ—въ этомъ отношеніи можетъ произвести такой переворотъ въ техникѣ производства, что крупная фабрика, можетъ быть, должна будетъ ограничиться въ будущемъ лишь очень небольшими владѣніями. А въ земледѣліи открытія по

интенсивному хозяйству уже и теперь привели къ торжеству мелкаго земельнаго хозяйства надъ крупнымъ.

Въ общей сложности конецъ счета человѣка съ техникой не наступилъ, да, повторяю, и никогда не наступитъ. А вся Исторія служитъ намъ ручательствомъ, что и нынѣ не техника побѣдитъ природу человѣка, а человѣкъ побѣдитъ технику и сдѣлаетъ ее такою, какъ ему лучше, выгоднѣе, свободнѣе... То, что человѣкъ побѣдоносно пронесъ черезъ всю исторію: независимость и свобода личности, съ ея созданіями, частной собственностью, семьей, свободной групповой организаціей, свободнымъ дѣйствіемъ, наконецъ внѣклассовое государство,—все это останется съ человѣкомъ будущаго, какъ росло у человѣка прошлаго. Чѣмъ болѣе это будетъ осуществляться, тѣмъ легче будетъ уясняться ложность основной идеи соціализма. Онъ былъ правъ, напомнивъ существованіе коллективизма слишкомъ индивидуалированному обществу начала XIX вѣка. Но выступивъ съ протестомъ противъ зла, онъ началъ отрицать добро. Онъ горячо взялся разбудить людей, но, по ложности своей идеи, сталъ что дальше, то больше воспитывать такихъ гражданъ, которые забываютъ, что они люди, и дѣлаются способны только погубить общество, а среди его развалинъ—также и самихъ себя.

(ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ).

## VI.

Я старался выше выяснить, что соціалистическая идея *односторонняя*, а потому неизбѣжно приводитъ людей къ противорѣчію съ дѣйствительными законами развитія общественности, которые *сложны*. Тѣмъ не менѣе эта односторонняя идея создала огромное общественное движеніе, длящееся съ начала XIX вѣка понынѣ.

Какъ могло это случиться? Въ общественной жизни однако не бываетъ ничего безсмысленнаго, безпричиннаго. Появленіе соціалистической односторонности было совершенно естественно, вслѣдствіе того, что общественность и государственность, подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя создали первую Французскую революцію, впали въ противоположную односторонность, начали развивать односторонне-индивидуалистическій принципъ свободы, уступивъ изъ виду законныя требованія принципа коллективизма.

Соціализмъ и явился исторической поправкой къ этой односторонности, которая сама же подготовила и почву для его дѣйствія.

XIX вѣкъ получилъ въ наслѣдство отъ своего предшественника рядъ условій, давшихъ эту почву. 1) Повсюду явились *дезорганизованныя массы населенія*, въ которомъ средневѣковыя формы общинности были разрушены, безъ созданія какой-либо новой организаціи. 2) *Свобода промышленнаго дѣйствія*, поддержанная расширеніемъ внѣшнихъ рынковъ, множествомъ изобрѣтеній и присутствіемъ дезорганизованнаго и нуждающагося въ заработкѣ населенія, создала огромныя богатства въ рукахъ немногихъ сильныхъ и удачливыхъ людей. 3) *Государство либеральнаго (буржуазнаго) типа* отрѣшилось отъ средневѣковой идеи всесторонне пещись о нуждахъ населенія, а потому не вступалось въ какую-нибудь регуляцію промышленныхъ отношеній. 4) Въ то же время принципы *равенства и свободы* были признаны оффиціально, какъ основа неотъемлемыхъ правъ человѣка.

Дѣйствительность представляла, однако, фактически полное нарушеніе свободы и равенства въ населеніи, пришедшемъ къ состоянію самаго крайняго неравенства въ средствахъ къ жизни. Укажу на положеніе Англіи, гдѣ соціалистическое движеніе раньше другихъ странъ приняло массовый характеръ. Въ началѣ XIX вѣка собственная Англія имѣла 10 милліоновъ жителей, изъ которыхъ, какъ громко кричали революціонныя прокламаціи, $^1/_2$ милліона утопали въ роскоши, 4 милліона жили въ крайней нуждѣ, 4 милліона въ нищетѣ и $^1/_2$ милліона состояли изъ форменныхъ нищихъ. Конечно, революціоныя прокламаціи всегда погрѣшаютъ въ статистикѣ, но и точныя статистическія данныя отмѣчаютъ, что въ началѣ XIX вѣка 1,340,000 человѣкъ получали пособіе отъ приходовъ, а къ 1820 г. это число возросло даже до $2^1/_2$ милліоновъ. Слѣдовательно, около $15^0/_0$ населенія были дѣйствительно нищими.

Рабочее населеніе Англіи тѣхъ временъ описывается, какъ фактически весьма безправное въ отношеніи всесильныхъ хозяевъ, поддерживаемыхъ судами. Да и юридически права рабочихъ до чрезвычайности ограничивались воспрещеніемъ всякихъ союзовъ. Въ извѣстномъ изслѣдованіи Уеббовъ приводится множество примѣровъ судебнаго преслѣдованія рабочихъ Англіи за попытки стачекъ. Во Французскомъ законодательствѣ съ первой революціи всѣ частныя сообщества вообще воспрещались въ

принципѣ. Законы противъ нихъ во Франціи были отмѣнены лишь въ новѣйшее время, и съ 1825 г. по 1865 г. почти 10 тысячъ рабочихъ, по 2000 судебныхъ приговоровъ, познакомились съ тюрьмоіі по обвиненію въ образованіи „незаконныхъ коалицій".

На почвѣ крайней бѣдности и слишкомъ часто—прямого притѣсненія, неизбѣжно должны были возникать революціонныя движенія народныхъ массъ, въ теоріи объявленныхъ владыками государства, а на практикѣ сплошь и рядомъ чувствовавшихъ себя рабами. Но какъ же было помочь горю, какъ исправить положеніе?

Дѣйствительная, разумная задача состояла въ томъ, чтобы понять односторонность водворившагося строя и исправить его на тѣхъ вѣчныхъ основахъ общественности, которыя были подорваны чрезмѣрнымъ развитіемъ индивидуалистическаго принципа. Но люди не были къ этому тогда подготовлены. Ни наука, ни практика не давали отвѣта на запросы времени. Потребовалось очень много испытаній, пробъ, работы мысли, прежде чѣмъ прямая дорога стала уясняться для людей въ этихъ новыхъ условіяхъ. Вотъ въ этой-то работѣ, гдѣ дѣйствовали всѣ направленія мысли, имѣлъ свое участіе и соціализмъ. Выступивъ противъ односторонностей индивидуализма, соціализмъ далъ развитію общества очень много полезныхъ толчковъ.

Такъ нравственное вліяніе утопическаго соціализма на европейское общество начала XIX вѣка было несомнѣнно облагораживающимъ. Его внутренняя ошибка въ пониманіи личности не сразу могла принести вредные плоды. А между тѣмъ соціализмъ обращался къ человѣку съ высокими требованіями, возбуждалъ вѣру въ лучшее будущее, не позволялъ эгоистично закрывать глаза на страданія ближняго. Онъ въ первое время обращался еще къ человѣку, какъ къ высшему существу, не проклиналъ богатаго и знатнаго только за внѣшнее ихъ положеніе, не сомнѣвался въ томъ, что и имъ не менѣе, чѣмъ бѣднымъ или приниженнымъ свойственно чувству любви къ ближнему и стремленіе къ общественному благу. Исканіе лучшаго будущаго было основано поэтому не на рѣкахъ крови и насиліяхъ, а на подъемѣ лучшихъ силъ человѣка. Мы видимъ въ рядахъ первыхъ соціалистовъ множество людей дѣйствительно высокой нравственности. Русскіе могутъ вспомнить, что и нашъ Достоевскій пострадалъ за увлеченіе Фурьеризмомъ.

Кромѣ нравственнаго вліянія, первый соціализмъ имѣетъ

ту заслугу, что напомнилъ важность *экономическихъ условій* и обязанность общества помогать своимъ членамъ не съ одной полицейской сторонѣ, а въ цѣлостномъ устройствѣ ихъ жизни. Въ утопическомъ же соціализмѣ родилось первое стремленіе къ уясненію внутреннихъ законовъ общественности. Самое слово „соціалогія“ явилось впервые у Огюста Конта, ученика Сенъ Симона.

Но уже въ эти впервые фазисы соціализма мы постоянно видимъ, что онъ служилъ общественному благу только въ тѣхъ случаяхъ, когда осуществлялъ идею общечеловѣческую, а не свою специфическую. Такъ, напримѣръ, устройство Оуеномъ фабрики въ Нью-Ланаркѣ обнаружило много полезнаго для общества, указало, напр., пользу повышеннаго уровня жизни рабочихъ даже съ точки зрѣнія повышенія промышленнаго производства. Но въ этомъ опытѣ не было еще ничего соціалистическаго, а было лишь примѣненіе общихъ гуманныхъ началъ къ устройству крупныхъ фабрикъ.

Во всѣхъ же случаяхъ, когда соціализмъ примѣнялъ коммунистическую идею, его опыты терпѣли крушеніе и принесли лишь ту отрицательную пользу, что подтвердили современникамъ старую, много разъ испытанную человѣчествомъ истину о несовмѣстимости коммунизма съ развитіемъ личности и общества.

Напомню мимоходомъ, что коммунизмъ въ первобытныя эпохи игралъ гораздо болѣе видную роль, и отбрасывался людьми именно по несовмѣстимости своей съ прогрессомъ. Въ теченіе исторіи, помимо соціализма, бывало немало опытовъ возвращенія ко коммунизму. У насъ въ Россіи любопытные образчики этого наблюдались въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Извѣстный изслѣдователь, Клаусъ („Наши колоніи“), между прочимъ разсказываетъ и о нихъ. Особенно любопытна Радичевская колонія, жившая въ полномъ коммунизмѣ, съ общимъ трудомъ и питаніемъ, и хотя здѣсь семейнымъ людямъ отводили отдѣльныя квартиры, но дѣтей съ трехлѣтняго (кажется) возраста воспитывали въ общественномъ пансіонѣ. Эта колонія выдержала свой строй лишь до тѣхъ поръ, пока молодое поколѣніе не стало знакомиться съ окружающимъ бытомъ нѣмцевъ и русскихъ. Въ сравненіи съ ихъ свободной жизнью, Радичевцы начали скоро себя чувствовать, какъ въ тюрьмѣ, и, наконецъ, молодое поколѣніе произвело цѣлую революцію, въ результатѣ которой коммунизмъ былъ уничтоженъ, и колонія усвоила общечеловѣческій строй.

Совершенно такія же поученія дали и практическія опыты соціализма. По системамъ Оуена, Фурье, Кабе и т. д. было устроено множество общинъ, съ затратой огромныхъ средствъ денежныхъ и умственныхъ, и все это неизмѣнно рушилось. Я не стану приводить примѣровъ. Я недавно приводилъ ихъ въ брошюрѣ „Заслуги и ошибки соціализма“. Множество ихъ вы можете найти въ книгѣ Д. Щеглова „Исторія соціальныхъ системъ“. Но не могу не вспомнить недавнія статьи г. Тверского въ „Вѣстникѣ Европы“ (ноябрь и декабрь 1906 года), въ виду того, что онъ является отчасти и личнымъ наблюдателемъ этихъ опытовъ. Г. Тверской, извѣстный своимъ передовымъ образомъ мыслей, уже давно сталъ гражданиномъ Американскихъ Штатовъ, гдѣ изучилъ теоретически исторію до 300 соціалистическихъ общинъ въ Америкѣ, а нѣкоторыя наблюдалъ и самъ. Всѣ онѣ созидаютъ совсѣмъ незавидную жизнь и въ концѣ концовъ рушатся.

Болѣе долговѣчны оказывались тѣ, которыя основаны на религіозной почвѣ, и одна изъ нихъ—коммуна Нойеса, просуществовала 50 лѣтъ, пока не умеръ основатель, послѣ чего распалось и его созданіе. Но чисто экономическія коммуны, говоритъ г. Тверской, основанныя на соціализмѣ и демократическомъ управленіи, оказались абсолютно непрактичными. Причины ихъ разрушенія, во-первыхъ—слабость производства, во-вторыхъ—ссоры. Въ Тополабампо (въ Мексикѣ) коммунѣ были даны такія громадныя богатѣйшія земли, изъ которыхъ самая плохая частная компанія извлекла бы милліоны, но соціалистическая коммуна распалась, не проживши и двухъ лѣтъ. Изъ прежнихъ общинъ многія также были основаны съ огромными затратами, но въ концѣ концовъ неизмѣнно доходили до нищеты и банкротства. Принудительный трудъ оказывался непроизводителенъ, а надежды на всеобщее усердіе изъ высшихъ побужденій исчезаютъ вмѣстѣ съ первымъ пыломъ колонистовъ.

Такой же язвой соціалистическихъ коммунъ являются ссоры. И это понятно. Въ нашемъ строѣ даже бѣдный человѣкъ все же сохраняетъ уголки жизни, гдѣ онъ независимъ. Въ коммунѣ, при неизбѣжномъ обязательномъ режимѣ, немыслима независимость даже въ пустячныхъ мелочахъ, и это порождаетъ раздраженіе и ссоры. Человѣкъ жаждетъ независимости: „хоть щей, горшокъ, да самъ большой“. Система Фурье старается возможно больше щадить индивидуальность, но при соціализмѣ это недостижимо.

Одинъ изъ лучшихъ фаланстеровъ, Фурье, такъ называемый „Сѣверо-Американскій“, просуществовавшій неслыханно долгое время—цѣлыхъ 12 лѣтъ, скоро сталъ представлять картину уныния и апатіи жителей. „Умственные интересы, говоритъ г. Тверской, оказались въ загонѣ. Фурьеризмъ вводилъ развлеченія въ систему, но не помогало и это. Нѣкоторые члены, до поселенія въ фаланстерѣ отличавшіеся живымъ, энергичнымъ характеромъ, переродились въ узкихъ, односторонніхъ автоматовъ. Даже и увеселенія отправлялись ими, какъ служба, обязательство, а не какъ потребность живыхъ людей“. Кончилось все это трехгодичными ссорами, уничтоженіемъ коммуны и общимъ разореніемъ.

Тѣ изъ соціалистическихъ общинъ, которыя были долговѣчнѣе другихъ, держались непремѣнно чьимъ-нибудь деспотизмомъ. Исчезаетъ деспотизмъ—начинается разложеніе.

## VII.

Все это лишь подтвердило историческій опытъ человѣчества о непригодности коммунизма для основанія цвѣтущаго общества. Но терпя крушеніе въ чисто-соціалистическихъ опытахъ, первый фазисъ движенія принесъ большую пользу тѣмъ, что напомнилъ людямъ идею *кооперації*, которая была заглушаема индивидуализмомъ. Въ этомъ отношеніи много сдѣлали различные опыты, такъ сказать, смягченнаго соціализма, отчасти у самого Р. Оуена, отчасти у Луи Блана. Если такіе принципы, какъ равенство платы, оказывались неприложимыми, то польза соединенія усилій людей, сохраняющихъ свою независимость и собственность, но вступающихъ въ союзъ, въ совмѣстное достиженіе своихъ общихъ цѣлей,—эта идея стала быстро развиваться и нашла самыя разнообразныя примѣненія. Я не буду упоминать множества ея пропагандистовъ, въ родѣ Шульце Делича, но укажу, что идея кооперації проявилась и въ общихъ рабочихъ союзахъ, и въ частныхъ обществахъ, отчасти производительныхъ, но болѣе всего въ учрежденіяхъ взаимопомощи, потребленія и т. п. Эта идея выразилась даже въ ассоціаціи капиталовъ—въ видѣ акціонерныхъ компаній, которыя постепенно начали становиться доступными и для самыхъ мелкихъ сбереженій, присоединяя такимъ образомъ и рабочихъ къ обладанію капиталомъ въ производствѣ. Она проявилась и въ привлеченіи рабочихъ къ *участію въ прибыли* на фабрикахъ. Хотя примѣненіе столь развившейся идеи кооперації было совершаемо не соціалистами и даже вызывало потомъ про-

тиводѣйствіе ихъ, но первоначальный толчекъ дѣлу этому былъ данъ соціалистистическимъ движеніемъ.

Точно такъ же должно признать заслугу соціалистическаго движенія въ дѣлѣ организаціи рабочихъ, которая стала въ XIX вѣкѣ огромнымъ факторомъ не только въ улучшеній быта рабочихъ, но и вообще всего общественнаго строя. И понятно, что безъ дѣятельнаго участія самого народа—было бы невозможно понять, узнать и совершить то, что улучшаетъ его положеніе. Къ этой самодѣятельности рабочій народъ по всей Европѣ былъ привлеченъ прежде всего соціалистическимъ движеніемъ. Соціализмъ давалъ рабочимъ ложныя цѣли, но зато привлекалъ ихъ къ дѣйствію. Правда, что если у рабочихъ не хватало самостоятельности, чтобы потомъ освободиться отъ руководства соціалистической интеллигенціи, то ихъ положеніе становилось, можетъ быть, еще опаснѣе, чѣмъ было прежде. Но тамъ, гдѣ рабочіе умѣли стать самостоятельными,—они, какъ въ Англіи, очень могутъ поблагодарить своихъ бывшихъ соціалистическихъ учителей, такъ сказать, приготовительнаго класса. Въ этихъ случаяхъ, начавъ организованно достигать своихъ разумныхъ интересовъ, — рабочіе оказались полезными дѣятелями для всего общественнаго строя и даже для повышенія типа промышленнаго строя.

Дѣйствительно, предприниматели сначала улучшали условія работы только въ видѣ уступки. Но потомъ оказалось, что это ведетъ ко всеобщей выгодѣ, и что промышленное производство можно поставить на тѣмъ болѣе высокую ступень, чѣмъ выше личная развитость рабочаго и обстановка его жизни.

Въ этомъ открытіи XIX вѣка, въ сущности, нѣтъ ничего новаго. Рабочій развитой, обученный и имѣющій передъ собою обезпеченную жизненную карьеру—это есть идея чисто средневѣковыхъ цеховъ и корпорацій. Но къ XIX вѣку она была выброшена изъ обихода, и соціализмъ напомнилъ ее людямъ, даже самъ не сознавая важности этого. Разработана эта мысль была уже не соціалистами. На это понадобилась огромная работа мысли научной и практической. Болѣе всего сдѣлали, конечно, сами рабочіе, своими союзами и борьбою противъ эксплуатаціи.

Со своей стороны Политическая Экономія уже при Адамѣ Смитѣ отмѣтила, что рабочіе наилучшаго качества встрѣчаются тамъ, гдѣ заработная плата выше. Окончательно значеніе высокаго уровня жизни рабочихъ установлено было учеными внѣ-

партійными, какъ Луйо Брентано и Шульце Геверницъ, но первые проблески идеи принадлежатъ Роберту Оуену. Къ сожалѣнію, соціализмъ и въ томъ случаѣ сталъ пренебрежительно отворачиваться отъ этой идеи, какъ только она стала приводить къ отрицанію надобности въ революціи.

Такую же косвенную заслугу соціализмъ имѣлъ и въ дѣлѣ пробужденія государственной мысли. Буржуазная идея сузила государственныя задачи, превращала государство въ простой департаментъ полиціи. Соціализмъ заговорилъ, что общество обязано пещись о всѣхъ нуждахъ своихъ членовъ, и этимъ пробудилъ историческое самосознаніе государства. Революціонныя движенія рабочихъ еще болѣе усилили значеніе такого напоминанія. И дѣйствительно, уже въ первую половину XIX в. научная государственная мысль и практика государственныхъ дѣятелей начали уничтожать буржуазно государственную идею. Соціалисты въ этой работѣ уже почти не имѣютъ участія, кромѣ развѣ отчасти Луи Блана и Лассаля. Но, разъ пробудившись, государственная мысль уже не имѣла надобности въ помощи соціалистовъ для того, чтобы искать и находить достойный себѣ путь дѣйствій.

Всѣ крупнѣйшіе умы, разрабатывавшіе государственную науку, какъ Блюнчли, Лоренцъ, Штейнъ и пр., совершенно разбивали буржуазную идею государства и начертывали ему широкую роль всесторонняго устроителя всенародной жизни. Объ руку съ ними дѣйствовали и экономисты, покинувшіе первоначальную „буржуазную“ почву. Особенно велико значеніе идеи Фридриха Листа о томъ, что богатство націи достигается не количествомъ „цѣнностей“, имѣющихся у ней, а количествомъ „производительныхъ силъ“, откуда вытекала забота о развитіи самихъ людей, и передъ государствомъ ставилась задача устремить свои усилія именно на повышеніе умственной, нравственной, профессіональной и экономической развитости всей массы населенія. Работа возрожденной государственности принесла уже огромные плоды за XIX вѣкъ, и можно сказать, что государство конца XIX вѣка рѣзче отличается отъ государства начала XIX вѣка, чѣмъ это послѣднее отъ системъ XVIII вѣка.

Въ этой работѣ науки, государственныхъ людей и всѣхъ классовъ общества — соціализмъ, однако, оказался отщепенцемъ. Онъ уже не захотѣлъ принимать участія въ улучшеніи общества и постепенно сталъ все больше мѣшать ему. Тутъ на практикѣ

проявилась ложность основной его идеи. Человѣчество стало улучшать свою жизнь не посредствомъ уничтоженія своего строя, а посредствомъ дѣйствительнаго осуществленія всѣхъ тѣхъ правъ личности, которыя составляютъ нашъ идеалъ, и посредствомъ приведенія государства къ дѣйствительному исполненію его обязанностей. Человѣчество не уничтожало собственности, а стремилось къ тому, чтобы и рабочій ее получилъ. Оно не уничтожало капитала, а стремилось къ тому, чтобы и человѣкъ труда также сталъ обладателемъ капитала. Человѣчество не превращало своего общества въ насильственную трудовую казарму, а только поощряло добровольное соединеніе въ союзы, и такимъ образомъ создавало свободную внутреннюю организацію. А такъ какъ вся эта работа пошла успѣшно и мало-по-малу улучшала положеніе народа, то революція оказывалась ненужною, и, вмѣсто этого, стала укрѣпляться идея мирнаго постепенняго развитія, эволюція. Соціализмъ же непремѣнно хотѣлъ произвести коммунистическій, насильственный переворотъ и создать новое общество на принудительномъ коммунизмѣ. Поэтому онъ, вмѣсто того, чтобы поддержать государство въ его новомъ благородномъ видѣ, начинаетъ все болѣе враждовать съ нимъ. Такимъ образомъ, соціалистическое движеніе постепенно начало становиться помѣхой прогрессу.

Общій ходъ его эволюціи предоставлялъ такую постепенность, что, давши сначала толчекъ прогрессу, соціализмъ становится все болѣе и болѣе помѣхой для него.

Сначала выдвинулся утопическій соціализмъ, который еще не ставилъ себѣ задачъ насильственной революціи. Онъ только предлагалъ людямъ устроиться на новыхъ началахъ и въ доказательство ихъ цѣлесообразности предпринималъ множество опытовъ отдѣльныхъ общинъ.

Постепенно обнаруживалось, однако, что люди въ цѣломъ не хотятъ или не могутъ идти по пути такого преобразованія своей жизни на коммунистическихъ началахъ. Соціализмъ начинаетъ тогда обращаться не ко всѣмъ людямъ, а къ тѣмъ, которые находились въ наихудшихъ условіяхъ современнаго общества, то-есть къ пролетаріату. Онъ начинаетъ призывать рабочихъ къ насильственному перевороту, первоначально полагая, что этотъ переворотъ будетъ произведенъ всей массой народа противъ очень незначительнаго числа „эксплуататоровъ“. И, наконецъ, уже въ новѣйшую фазу своей эволюціи, рѣшается ставить своей

задачей насильственный переворотъ силами меньшинства противъ всей остальной націи, доходя такимъ образомъ до высшей степени революціонности и рѣзко отрывая „соціалистовъ“ отъ остальнаго народа.

## VIII.

Переходъ соціализма на революціонную почву раньше всего произошелъ въ Англіи, гдѣ, впрочемъ, соціалистическая идея была, сравнительно скоро, и совсѣмъ остановлена. Въ наиболѣе же стройную систему она сложилась въ Марксизмѣ. Я не стану говорить о революціонномъ соціализмѣ Франціи, потому-что онъ всегда выражалъ скорѣе настроеніе, чѣмъ какую-нибудь стройную систему, такъ что къ концу XIX вѣка французы и сами въ большей или меньшей степени начали тоже проникаться теоріей Маркса, которая дала себѣ названіе „научнаго соціализма“. На этой послѣдней мы и должны остановиться, какъ на высшемъ пунктѣ развитія соціалистической идеи послѣ временъ утопическихъ теорій.

Теорію Маркса нельзя признать дѣйствительно научною. Она и не вошла въ достояніе науки, а къ концу вѣка, кажется, ни одно изъ ея основаній нельзя уже считать выдержавшимъ критику науки. Но теорія Маркса необычайно цѣлесообразна, какъ основа партійной революціонной программы. Въ этомъ отношеніи нельзя было создать ничего болѣе стройнаго во всѣхъ частяхъ.

Теорія Маркса, во-первыхъ, призываетъ къ соціалистическому перевороту не вообще весь народъ, а ту часть его, которая наиболѣе обездолена существующимъ строемъ, то-есть пролетаріатъ. Этотъ слой рабочихъ, если онъ находится въ такомъ положеніи, какъ было въ 40-хъ годахъ, а отчасти и до сихъ поръ, ничего не можетъ терять отъ какихъ бы то ни было переворотовъ, а можетъ надѣяться что-нибудь и выиграть. Поэтому онъ охотно готовъ выслушать и усвоить такую теорію, которая говоритъ въ его пользу. Таковой объявила себя теорія Маркса.

Понятно, что пролетаріи, каковы бы ни были побужденія его личнаго интереса, не можетъ не уважать истины научной. Теорія Маркса именно и говорила ему отъ имени яко бы послѣдняго слова науки. Отнестись критически къ этому послѣднему слову науки было бы, разумѣется, очень трудно для напменѣе образованной части рабочихъ. И что же эта научная истина воз-

вѣщала ему? Пролетаріатъ, дотолѣ чувствовавшій себя только униженнымъ и оскорбленнымъ, былъ объявленъ носителемъ послѣдняго слова человѣческаго прогресса. На пролетаріатѣ долженъ былъ развиться идеалъ будущаго. То обстоятельство, что пролетаріатъ бѣденъ, безсиленъ, необразованъ—ничего не значитъ.

Все сдѣлаетъ самъ естественный, неотразимый ходъ производства. Пролетарію нечего даже и предусматривать, какъ нужно будетъ устраивать сложное общество. Такая задача могла бы устрашить своей непомѣрной трудностью. Но теорія успокаивала рабочаго, что ни знанія, ни способности—какъ и вообще личность человѣка, не имѣютъ тутъ большого значенія. Производство само собою складывается и само же указываетъ форму сложенія общества. Пролетарію достаточно улечься въ эти формы, также не разсуждая, какъ онъ до тѣхъ поръ работалъ на своей фабрикѣ, съ той пріятной разницей, что онъ тогда будетъ не рабомъ, а господиномъ. Борьба противъ той страшной силы, которую пролетарій видѣлъ въ капитализмѣ и въ государствѣ, могла бы устрашить и самаго мужественнаго человѣка. Но теорія Маркса успокаивала даже и самыхъ малодушныхъ. Никакихъ трудностей и опасностей не будетъ. Процессъ концентраціи капиталовъ самъ по себѣ приведетъ къ тому, что въ число пролетаріевъ перейдетъ весь народъ, и въ лагерѣ капитализма останется лишь ничтожная горсточка людей, которыхъ стоитъ толкнуть пальцемъ, чтобы они свалились.

Пролетарій, самый несчастный, униженный и оскорбленный, тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ, носилъ въ сердцѣ любовь къ другимъ людямъ, къ своему обществу, отечеству, націи, государству. Даже въ самомъ капиталистѣ рабочій не могъ не различать честнаго и добраго человѣка отъ дѣйствительно безсердечнаго эксплуататора. Всѣ эти человѣческія и общественныя чувства мѣшаютъ развитію безмѣрной ненависти, которая должна устремить рабочихъ на бой и разрушеніе. Ученіе Маркса заглушаетъ всѣ подобныя чувства. Отъ имени науки оно объявляетъ, что вся исторія общества есть исторія борьбы классовъ, что всегда одинъ классъ былъ грабителемъ другого. Описаніе „первоначальнаго накопленія“ капитала не щадитъ у Маркса никакихъ красокъ для изображенія этого грабежа. Никакая революціонная прокламація не могла бы одностороннѣе и сильнѣе разжигать классовую ненависть. Наука Маркса внушала рабочему, что въ этой хищнической борьбѣ онъ можетъ и самъ не стѣсняться въ средствахъ.

Что касается отечества,—то оно совсѣмъ не существуетъ тамъ, гдѣ всѣмъ владычествуетъ борьба классовъ, и чувство патріотизма само собою становится безсмыслицей.

Такое представленіе человѣческаго общества и человѣческихъ отношеній могло бы очень легко подрываться у пролетарія болѣе близкимъ знакомствомъ съ дѣйствительной наукой. Но ему рѣшительно заявляли, что нѣтъ науки, кромѣ ученія Маркса. Все прочее—не болѣе какъ буржуазныя выдумки. Вездѣ онѣ только обманываютъ пролетарія. Борьба классовъ переносится Марксомъ и въ ту область, гдѣ о ней оскорбительно даже и слышать тому, кто сколько-нибудь знакомъ самъ со святымъ преклоненіемъ передъ *истиной*, которое одно создаетъ науку, и которое всегда было у честныхъ умовъ, не преклоняющихся ни передъ какой борьбой или соблазнами. Но это раздѣленіе науки на соціалистическую и буржуазную было въ высшей степени цѣлесообразно съ партійной точки зрѣнія. Оно закрѣпощало рабочаго умственно передъ партіей, дѣлало его глухимъ ко всякому возраженію, ко всякой попыткѣ раскрыть ему глаза на объективную истину.

Рабочаго, наконецъ, могло охлаждать въ отношеніи партіи то соображеніе, что какой бы рай ни предстоялъ въ будущемъ, а не мѣшаетъ позаботиться и о настоящемъ, слишкомъ уже тяжкомъ. Теорія Маркса отвлекала и отъ такого соблазна постепенныхъ улучшеній обѣщаніемъ, что соціалистическій переворотъ произойдетъ очень скоро. Терпѣть не долго. Процессъ концентраціи капиталовъ идетъ гигантскими шагами. Впослѣдствіи, когда довѣріе рабочаго класса начало истощаться, руководители соціальной демократіи начали прямо предсказывать сроки соціальнаго переворота. Энгельсъ предвѣщалъ его на 1898 г., Бебель обѣщалъ и раньше, говоря въ 1891 году, что немногіе изъ присутствующихъ въ собраніи не увидятъ собственными глазами исполненія его пророчества.

Въ общемъ, такимъ образомъ, теорія Маркса всесторонне приспособлена къ тому, чтобы привлечь рабочихъ къ организаціи революціоннаго переворота и удержать ихъ въ своихъ рукахъ. Это ученіе и льститъ рабочимъ, и успокаиваетъ ихъ, и ободряетъ, и предохраняетъ отъ вліянія голоса справедливости, гуманности, любви къ родинѣ, и, наконецъ, замыкаетъ завербованныхъ въ кругъ, изолированный отъ всякихъ вліяній, способныхъ возбудить въ нихъ критическую работу ума.

Въ гражданскомъ отношеніи, понятно, трудно бы было со-

здать что-либо болѣе деморализующее. Если можно говорить о заслугахъ соціально-демократической партіи въ Германіи, то развѣ только въ томъ отношеніи, что она все-таки соорганизовала воедино очень большія массы рабочихъ. Число соціалъ-демократовъ, вносящихъ плату въ кассу партіи, составляетъ 400,000 человѣкъ, которые имѣютъ вліяніе на цѣлый милліонъ рабочихъ. Но соціальная демократія, захватывая рабочихъ къ себѣ, мѣшала образованію чисто-рабочихъ союзовъ такъ что хотя идея профессіональной организаціи (Гиршъ-Дункеровскія общества) возникла въ Германіи одновременно съ соціализмомъ, однако-же всѣ вмѣстѣ взятыя организаціи профессіональныя (Гиршъ—Дункеровскія, христіанскаго соціализма и разные отдѣльные союзы) понынѣ насчитываютъ едва ли больше 200.000. А между тѣмъ въ массахъ народа, собираемаго подъ знаменемъ соціальной демократіи, развивается лишь полное отщепенство отъ остального нѣмецкаго народа.

Если соціалъ-демократическая партія не могла совершенно противиться стремленіямъ рабочихъ къ улучшеніямъ своей жизни и устраивала разные союзы, то дѣлала это собственно въ цѣляхъ проникновенія въ рабочую среду для пропаганды и агитаціи. Въ парламентѣ же она ясно доказала, что не только не стремится къ улучшенію быта рабочихъ, но даже старается не допустить законовъ, къ этому ведущихъ. При послѣднихъ выборахъ въ Рейхстагѣ (1907 г.) противники соціальной демократіи составили любопытный подсчетъ того, что дѣлала эта партія въ Парламентѣ съ 1880 по 1906 годъ. Онъ помѣщенъ въ журналѣ „Zukunft“ (за февраль). Называя себя рабочей партіей, соціалъ-демократы въ Рейхстагѣ подавали голоса противъ всѣхъ налоговъ, которые переносили тяжесть обложенія съ рабочихъ классовъ на богатыхъ. Въ 1881, 1885, 1894, 1900 и 1906 годахъ, соціалистическіе депутаты систематически отвергали *налоги на биржу* и ихъ увеличеніе. Въ 1900 и 1902 годахъ они голосовали противъ пошлинъ на иностранныя *дорогія вина*. Въ 1902 году противъ пошлинъ на *предметы роскоши*. Въ 1904 г. противъ налога *на автомобилистовъ*. Законы для какого бы то ни было обезпеченія рабочихъ соціалъ-демократія старалась не допустить въ Рейхстагѣ. Такъ въ 1880 г. партія голосовала противъ закона, преслѣдующаго *ростовщиковъ*, а въ 1896 г. противъ закона о злоупотребленіяхъ *закладчиковъ*. Въ 1883 г. партія голосовала противъ *страхованія рабочихъ на случай болѣзни*, въ 1884 г. противъ *страхованія отъ несчастныхъ случаевъ*, въ 1885 г. противъ *обез-*

*печенія инвалидныхъ и старыхъ рабочихъ*. Въ 1891 г. противъ закона о мѣрахъ къ *безопасности* рабочихъ во время ихъ труда. Въ 1903 г. противъ *улучшенія кассъ для больныхъ* рабочихъ. Соціальная демократія вотировала и противъ законовъ, вносящихъ въ промышленныя отношенія больше порядка: въ 1890 г. противъ *ремесленныхъ судовъ*, въ 1905 г. противъ *коммерческихъ судовъ*. Съ начала до конца она, такимъ образомъ, старалась не допустить никакихъ улучшеній жизни рабочихъ, очевидно, для того, чтобы держать ихъ въ болѣе революціонномъ настроеніи. Въ сотняхъ тысячахъ организуемыхъ ею рабочихъ она создавала только массу, отрицающуюся отъ національной жизни, проклинающую государство и общество и живущую одной мечтой: разрушить общество и захватить его наслѣдіе.

Въ первое время соціальная демократія по крайней мѣрѣ не вводила въ свою программу насилія пролетаріата надо всей націей. Теорія гласила, что весь народъ превратится въ пролетаріевъ, и насиліе потребуется лишь въ отношеніи ничтожной горсти эксплуататоровъ. Но время шло, предсказаніе не осуществлялось, и являлась даже мысль, что пролетаріатъ уменьшается. И тутъ-то антиобщественная идея дала всѣ свои плоды, и партія рѣшилась пустить въ ходъ насиліе надъ всѣмъ народомъ. Объ этомъ печальнѣйшемъ фазисѣ соціализма я сейчасъ скажу. Но предварительно бросимъ взглядъ на Англію, гдѣ общій ходъ движенія принялъ совершенно иной оборотъ.

## IX.

Англійскіе рабочіе раньше другихъ вступили на революціонный путь для защиты своихъ интересовъ, тогда еще и не зная соціализма. Они защищали чисто трудовые интересы, образовывая для этого союзы, привычка къ которымъ была у нихъ сильна и въ старыя времена. При этомъ они были настолько полны вѣры въ общенаціональную справедливость, что обращались за поддержкой и къ королю, и къ Парламенту. Но никто не оказывалъ имъ помощи, и они, для защиты отъ явныхъ притѣсненій и беззаконій капиталистовъ, стали переходить на путь революціонный.

Къ этому-то революціонному движенію и примкнулъ соціализмъ въ лицѣ самого Р. Оуена, который отъ неудачныхъ опытовъ коммунистическихъ общинъ, рѣшилъ перейти къ цѣлостному революціонному перевороту во всей націи сразу.

Его пропаганда вложила въ рабочее движеніе общую идею. Въ 1833 году, на конгрессѣ своихъ единомышленниковъ въ Лондонѣ, Оуенъ уже объяснилъ, что имѣются въ виду „великія перемѣны, которыя ниспадутъ на общество внезапно, какъ тать въ нощи. Имѣется именно въ виду возникновеніе такихъ національныхъ учрежденій, которыя бы соединили всѣ трудящіеся классы въ одну великую организацію, такъ, чтобы каждая вѣтвь знала, что происходитъ въ другихъ вѣтвяхъ, чтобы прекратилась всякая индивидуальная конкурренція, и чтобы всѣ фабрики велись національными компаніями. Всѣ отрасли труда должны образовать ассоціаціи ложъ съ такимъ числомъ членовъ, которое достаточно для веденія дѣла, и всѣ лица, принадлежащія къ данной отрасли труда, должны стать ея членами".

На этотъ призывъ къ общему соціалистическому перевороту рабочіе сначала отозвались въ огромныхъ массахъ. Въ 1834 г. „Великій консолидированный національный рабочій союзъ" имѣлъ по меньшей мѣрѣ 500.000 членовъ (цифры Уеббовъ). Не чуждаясь взаимопомощи членовъ, онъ имѣлъ въ виду общій переворотъ, и съ тѣхъ поръ мы начинаемъ видѣть въ Англіи тѣ пріемы борьбы, которые отсталая Европа пробуетъ лишь теперь. Такъ „Великій національный рабочій союзъ" задумалъ примѣнить по всей странѣ гигантскую всеобщую забастовку, на поддержаніе которой изъ кармановъ рабочихъ сыпались послѣдніе шиллинги. Но ничего изъ этого не вышло, и послѣ четырехъ-мѣсячной борьбы забастовка кончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ, которые принуждены были стать на работу, ничего не добившись. Тридцатые и 40-е годы были вообще революціоннымъ временемъ англійскихъ рабочихъ, которые пробовали ставить и политическія требованія (особенно въ такъ называемомъ „Чартизмѣ"—Рабочая Хартія). При этомъ происходили и возмущенія, и убійства, и казни, и Лондонъ погружался во тьму забастовщиками (Вестминстерскіе кварталы). Все это англичане продѣлали за 80 лѣтъ раньше насъ. Въ 1848 г. противъ стотысячной массы рабочихъ, двинувшихся въ Лондонъ, былъ выставленъ самъ герцогъ Веллингтонъ.

Однако, практичные англичане очень скоро воспользовались печальнымъ опытомъ, и во всѣхъ классахъ народа явилось стремленіе разобраться въ происходящей неурядицѣ. Возникаетъ усиленная разработка политической экономіи, съ которой стараются систематически знакомить и рабочій классъ. Правительство

первое въ Европѣ даетъ рабочимъ право организаціи и само начинаетъ мѣры къ урегулированію условій труда. Среди самихъ же рабочихъ возникаетъ стремленіе къ самостоятельной практичной самопомощи.

40-е года, которые были началомъ революціонныхъ увлеченій для континентальныхъ странъ, для англійскихъ рабочихъ сдѣлались *началомъ совершеннолѣтія*. Они выходятъ изъ-подъ руководства какой-либо посторонней интеллигенціи и начинаютъ жить какъ *самостоятельный рабочій классъ*. Они начинаютъ вести не соціалистическую, а чисто свою, рабочую, организацію, отбрасываютъ соціалистическія цѣли и начинаютъ вырабатывать цѣли сами для себя. Выступаютъ на сцену дѣйствія сами рабочія массы, и ихъ движеніе принимаетъ характеръ „профессіональный".

Множество замѣчательныхъ вождей выдвинули рабочіе на этомъ пути, гдѣ имъ приходилось такъ много бороться.

Для своихъ знаменитыхъ стачекъ они выработали строго обдуманную тактику. Но еще болѣе замѣчательны выработанныя ими системы соглашеній съ предпринимателями, въ чемъ иногда много помогали и сами предприниматели, какъ извѣстный Мунделла. Образованіе множества обществъ и союзовъ, чисто рабочихъ, съ чисто рабочими цѣлями, для повышенія платы, для регулированія времени и условій труда, для соглашеній съ предпринимателями, для экономической взаимопомощи, — вотъ въ общемъ содержаніе того великаго движенія, которое называется Тредъ-Юніонистскимъ. Это движеніе, принесши неисчислимую пользу рабочимъ, въ то же время обогатило человѣческую общественность множествомъ новыхъ остроумныхъ комбинацій жизни, дало даже новыя исходныя точки зрѣнія наукѣ и было главнымъ пробнымъ полемъ, установившимъ научно ту истину, что „высокій уровень жизни" рабочаго есть источникъ повышенія національнаго производства.

Я не могу останавливаться на подробностяхъ этой картины истиннаго прогресса общества и лишь вкратцѣ замѣчу, что англійскіе рабочіе, въ своей организованной части, охватывающей около 2-хъ милліоновъ человѣкъ, то-есть не менѣе 5—6 милліоновъ населенія, вообще достигли огромнаго улучшенія своей жизни. Когда мы просматриваемъ бюджеты рабочей семьи (напримѣръ у Шульце Геверница)—мы находимъ въ ежедневномъ употребленіи то, что у насъ составляетъ достояніе только верхнихъ классовъ общества: пшеничный хлѣбъ, овсяная мука, рисъ,

картофель, чай, сахаръ, молоко, кофе, яйца, масло, сыръ, говядина, баранина, свинина, овощи, пикули, маринованные фрукты, пиво, табакъ и т. д. Все это значится въ постоянномъ употребленіи. Въ бюджетъ рабочаго входитъ расходъ на газеты, на клубъ, на лѣтнія поѣздки для семьи и т. д. Общимъ требованіемъ рабочаго сдѣлалось и то, чтобы его заработная плата давала возможность ежегодныхъ сбереженій.

Продолжительность рабочаго дня въ Англіи разнообразна. Въ эпоху своего соціализма рабочіе тоже требовали 8-часоваго дня, но потомъ нашли болѣе выгоднымъ предоставить дѣло свободному соглашенію, въ которомъ самостоятельность рабочихъ обезпечивается ихъ могущественными организаціями. Такимъ образомъ въ Англіи и теперь мѣстами работаютъ и по 12 часовъ, мѣстами и по 8, а въ среднемъ около 9. Но что касается заработной платы—она систематически растетъ. Стараясь при этомъ не подрывать фабрикъ, рабочіе во многихъ союзахъ выработали и приняли систему „подвижныхъ скалъ“, по которымъ хозяева обязаны увеличивать плату при хорошемъ ходѣ дѣлъ, при плохомъ же рабочіе обязаны брать меньшую. Но общая сумма заработка очень выросла. Въ 1860 г. англійскіе рабочіе получили 3.900,000,000 рублей заработка, а въ 1895 г. почти вдвое—6.900,000,000 рублей. Это возрастаніе идетъ по всѣмъ производствамъ. Такъ съ 1846 г. по 1895 г. у каменотесовъ недѣльный заработокъ поднялся съ 10 р. до 19 р., у надсмотрщиковъ за машинами съ 7 р. до 17 р. и т. д. Но, кромѣ возрастанія доходовъ рабочихъ, созданныя ими организаціи взаимопомощи на всевозможные случаи—болѣзнь, безработность и т. д.—чрезвычайно упрочиваютъ положеніе лицъ рабочаго класса.

Огромное развитіе кооперативныхъ обществъ—потребительныхъ—приноситъ новое уменьшеніе расхода и возрастаніе дохода. Въ 1897 г. рабочія потребительныя общества Англіи имѣли 1.468,000 членовъ, то-есть приносили пользу не менѣе 5 милліонамъ населенія. Они обладали капиталомъ болѣе 200 милліоновъ рублей, доставляли продуктовъ на 500 съ лишнимъ милліоновъ, и при этомъ давали имъ еще свыше 60 милліоновъ чистой прибыли. Несомнѣнно также, что рабочіе пріобщаются и къ обладанію капиталомъ, ибо доходъ съ тѣхъ мелкихъ капиталовъ, которые не подлежатъ оплатѣ налогомъ, возросъ въ англійскомъ населеніи съ 1860 г. по 1895 г. съ 640 милліоновъ рублей до 1 милліарда 300 милліоновъ.

Конечно, въ англійскомъ рабочемъ мірѣ еще много нищеты,

и всѣ, интересующіеся участью рабочихъ, жалуются на это, горя, напримѣръ, что четверть рабочаго населенія находится на уровнѣ, съ котораго начинается нищета. Должно, однако, замѣтить, что понятіе о нищетѣ относительно. Въ Англіи требуютъ, чтобы рабочій обладалъ достаточными средствами для „приличной жизни". Съ этой точки зрѣнія всѣ, зарабатывающіе менѣе 20 шиллинговъ въ недѣлю (то-есть 10 рубле), засчитываются въ бѣдняки. Но дѣйствительно—бѣдное существованіе возможно въ Англіи не только при 5 рубляхъ въ недѣлю, но даже 3—4. Это видно изъ того, что рабочіе союзы выдаютъ своимъ безработнымъ членамъ обыкновенно по 5 рублей (10 шил.) въ недѣлю, а для забастовщиковъ, не принадлежащихъ къ союзу, даже только по 3 руб. въ недѣлю (по 6 шиллинговъ). Значитъ, очень безбѣдно можно жить и на 3 р., а слѣдовательно тѣ, которые получаютъ по 10 рублей, съ нашей точки зрѣнія, далеко не могутъ считаться на границѣ нищеты. Впрочемъ, мы имѣемъ объективныя указанія на улучшеніе положенія рабочихъ. По изслѣдованіямъ Гумфриса средняя продолжительность жизни мужчины возросла за послѣдніе 40 лѣтъ на 2 года, а женщины на $3^1/_2$ года. Количество бѣдныхъ, получающихъ пособіе, составлявшее въ 1820 г. почти 20% населенія, и еще въ 1849 г. равное $6,_3$ % населенія, понизилось къ 1896 г. 2, 5%. Ясно, что рабочія организаціи улучшили положеніе не только своихъ собственныхъ членовъ, но всего низшаго класса. Серъ Робертъ Джиффенъ, величайшій знатокъ рабочей статистики въ Англіи, и въ то же время очень сердечно думающій о благѣ рабочихъ, заявляетъ:

„Несомнѣнно, что *положеніе народной массы безконечно лучше, чѣмъ 50 лѣтъ назадъ*, что видно изъ большей продолжительности жизни, увеличенія потребленія жизненныхъ средствъ, изъ лучшаго образованія, изъ большей свободы отъ преступленій, изъ увеличенія сбереженій. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что существуетъ еще зло, остающееся неустраненнымъ, существуютъ подонки общества" (Ностицъ, 661,771).

Такіе результаты, достигнутые англійскими рабочими посредствомъ профессіональныхъ организанцій, повидимому, совсѣмъ подорвали среди нихъ соціалистическую идею. У англичанъ есть соціалисты по личнымъ, отвлеченнымъ, убѣжденіямъ, но въ *рабочей партіи* не даютъ мѣста соціалистическимъ программамъ. Соціалъ-демократизмъ сдѣлалъ сильный натискъ на англійскихъ рабочихъ въ срединѣ 80-хъ годовъ, когда Эвелингъ (близкій

Марксу человѣкъ) основалъ въ Лондонѣ газету „Коммонвиллъ“ и пытался создать соціалъ-демократическую фракцію. Ему тогда много помогло присоединеніе Джона Берпса, только что вошедшаго въ славу рабочаго вождя, котораго и я имѣлъ случай въ это время видѣть. Но соціалъ-демократы въ Англіи не могли собрать много сторонниковъ. Вотъ съ тѣхъ поръ прошло 20 лѣтъ, и на послѣднемъ рабочемъ конгрессѣ въ Бельфастѣ попытка внести соціалистическую программу потерпѣла полное пораженіе, отвергнутая 950,000 голосовъ противъ 98,000. Можно думать, что для англійскаго рабочаго соціализмъ составляетъ уже пережитый фазисъ развитія и замѣнился сознаніемъ, что благо всѣхъ и каждаго достигается не уничтоженіемъ историческихъ основъ общественности, а разумнымъ ихъ приспособленіемъ къ условіямъ каждаго даннаго времени.

## X.

Совсѣмъ не то происходитъ на континентѣ.

Самъ по себѣ ходъ экономическо-государственнаго развитія, несмотря на то, что соціализмъ отвлекалъ огромное количество силъ общества и народа отъ творческой соціальной работы, и вѣчными угрозами революціи заставлялъ государство тратить множество силъ и средствъ на охрану вѣчно угрожаемаго и безпрерывно нарушаемаго общественнаго спокойствія,—несмотря на это неблагопріятное условіе, ходъ развитія общественности сталъ все болѣе обнаруживать невѣрность теоріи соціальнаго демократизма. Предсказываемое Марксомъ и Энгельсомъ превращеніе всего народа въ пролетаріевъ—не осуществлялось. Число собственниковъ не уменьшалось, а возрастало, концентрація капиталовъ въ производствѣ шла довольно туго, мелкое производство обнаруживало большую способность выживать и бороться за существованіе съ крупнымъ.

Приведу нѣкоторыя данныя по этому предмету.

Въ области земледѣлія въ Бельгіи количество земель въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ *утроилось*, крупное же землевладѣніе *уменьшилось*. Во Франціи мелкое землевладѣніе также увеличилось. Въ Англіи, гдѣ собственно землевладѣніе еще со временъ Вильгельма Завоевателя попало въ руки 60.000 человѣкъ,—у крестьянъ въ собственности немного земель, но обработка ея развивается въ видѣ мелкихъ хозяйствъ, на которыя приходится 66% всей земли, тогда какъ на крупныя хозяйства

всего $2^1/_2{}^0/_0$ земли. Капиталистическое хозяйство не обнаруживаетъ способности одолѣть крестьянина, напротивъ число гигантскихъ хозяйствъ уменьшается. Въ Германіи точно такъ же крестьянское хозяйство захватываетъ все большее количество земли, увеличившись за послѣдніе 15 лѣтъ на $30^0/_0$. Крупное же хозяйство сокращается. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Бернштейнъ, что во всей западной Европѣ и въ восточной Америкѣ— всюду ростетъ мелкое и среднее хозяйство, и понижается крупное и исполинское".

Та же устойчивость мелкаго и средняго производства проявилась и въ обрабатывающей промышленности.

Въ Германіи крупная промышленность къ 1895 году не могла собрать на фабрикахъ болѣе $^1/_3$ всѣхъ рабочихъ. Въ 1895 г. изъ $10^1/_2$ милліоновъ рабочихъ Германіи крупная промышленность занимала лишь $3^1/_4$ милліона. Средней же величины заведенія $2^1/_2$ милліона, мелкія (ниже 5 человѣкъ) $4^1/_2$ милліона. Да сверхъ того имѣлось $1^1/_4$ милліонъ ремесленниковъ. Притомъ число рабочихъ на мелкомъ и среднемъ производствѣ прямо возрастаетъ. На мелкомъ (до 5 чел.) въ 1882 г. было 2.400.000 рабочихъ, а въ 1895 г. 3.056.000 ч. Въ предпріятіяхъ до 10 чел. рабочихъ было 500.000 чел., а стало 830.000.

Концентрація рабочихъ и повсюду подвигается плохо. Во Франціи на 1 хозяина теперь приходится въ среднемъ всего 3 рабочихъ. Въ Австріи—на 1 хозяина по 4 рабочихъ.

Распредѣленіе собственности также становится правильнѣе. Въ Саксоніи въ 1870 г. почти $80^0/_0$ населенія получало менѣе 800 марокъ въ годъ, а въ 1894 г. меньше 800 марокъ получало лишь $64^0/_0$ населенія, тогда какъ число зажиточныхъ возросло съ съ $20^0/_0$ на $36^0/_0$. Въ Пруссіи число населенія возросло *вдвое*, а число зажиточныхъ въ *семь разъ*. Вообще рядъ данныхъ показываетъ, что существующій строй постепенно улучшаетъ положеніе народа, и что количество пролетаріата относительно уменьшается.

Казалось бы, такая тенденція естественнаго хода вещей должна была побудить соціалистовъ оставить ложную теорію и присоединить свои усилія къ тому, чтобы еще болѣе увеличить и ускорить ходъ возрастанія народнаго благосостоянія. Но соціальная демократія, совершенно наоборотъ, тутъ-то и начинаетъ торопиться произвести соціалистическій переворотъ.

При этомъ уже откровенно заявляется, что соціальная демократія должна будетъ бороться *противъ всей націи*, и, такъ ска-

зать, намѣрена завоевать ее, соотвѣтственно съ чѣмъ располагаются и средства дѣйствія.

„Одна изъ особенностей современнаго положенія, говоритъ Каутскій, являющійся теперь оффиціальнымъ публицистомъ партіи, заключается въ томъ, что въ настоящее время мы (соціалъ-демократическая партія) встрѣчаемъ наиболѣе упорное сопротивленіе *не со стороны правительства*". „Въ прежнихъ революціяхъ принимала участіе вся нація, объектомъ же нападенія было только правительство". Теперь все измѣнилось. „Революціонные слои не являются, какъ было при прежнихъ революціяхъ, представителями огромнаго большинства народа противъ горсти эксплуататоровъ, а являются въ сущности представителями лишь одного класса, противъ котораго стоятъ не только всѣ эксплуатирующіе классы, но и большинство мелкихъ буржуа, и крестьяне, и большая часть интеллигенціи", короче: *весь народъ* („Соціальный переворотъ").

„Особенность" эта такъ важна, что при нѣкоторомъ уваженіи къ человѣческому праву, тѣ люди, которые сами сознаются, что противъ нихъ вся нація, были бы обязаны отказаться отъ революціи, которая въ такихъ обстоятельствахъ является противународнымъ преступленіемъ.

Но соціалъ-демократическая публицистика заботится лишь о томъ, чтобы доказать своей партіи возможность захвата власти даже и при этомъ условіи. Каутскій указываетъ, что соціалъ-демократы лучше организованы, тогда какъ остальные слои народа раздроблены, указываетъ, что у соціалъ-демократовъ больше мужества и рѣшительности, чѣмъ у другихъ, и что сверхъ того для произведенія переворота—они могутъ воспользоваться „благопріятными обстоятельствами". Такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ выставляется напримѣръ внѣшняя война, когда правительство, обремененное тяжкой защитой отъ непріятеля, оказывается слабымъ для отраженія внутреннихъ враговъ. Другимъ условіемъ указывается *всеобщая забастовка*. Я упоминалъ, что эта идея являлась въ порывѣ раздраженія и у англійскихъ рабочихъ, въ то время, когда они еще находились подъ вліяніемъ соціализма. Но здравый смыслъ и общественное чувство скоро показали англичанамъ, что, борясь такими средствами, они могутъ только погубить общество, и съ нимъ самихъ себя. У современныхъ же соціалъ-демократовъ и черезъ 70 лѣтъ можетъ восхваляться и рекомендоваться подобный способъ борьбы. Такъ, по

поводу русскихъ забастовокъ г-жа Роландъ Гольстъ, по рекомендаціи Каутскаго, написала цѣлый трактатъ о всеобщей забастовкѣ. При этомъ она говоритъ: „Путемъ всеобщей забастовки русскіе пролетаріи разрушили силы враговъ. Путемъ стачки они сдѣлали невозможнымъ существованіе и какую бы то ни было дѣятельность, внесли въ общественную жизнь безпорядокъ и неустойчивость, доведшіе общество до невыносимаго состоянія, понизили доходы государства и навязали ему новые расходы, заставили войска и полицію нести изнурительную службу и т. д. („Всеобщая стачка и соціалъ-демократія“).

Такая пропаганда, поощряющая человѣка хвалиться количествомъ страданій, причиненныхъ имъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и всему обществу, составляетъ пропаганду истиннаго человѣконенавистничества и разрушаетъ всякую тѣнь общественной нравственности. Дошедши до такого состоянія, соціалистическая идея превращается въ нѣчто неслыханно-реакціонное, отодвигающее человѣчество къ самымъ варварскимъ временамъ. При достигнутой степени культурнаго развитія, мы не признаемъ голаго права силы даже въ международныхъ отношеніяхъ, не можемъ признать правоты монголовъ, напримѣръ, только изъ-за того, что они были сильнѣе раздробленной междуусобіями Россіи. Соціальная же демократія рекомендуетъ милліону рабочихъ сплотиться такъ искусно, чтобы оказаться сильнѣе всей націи, и потомъ подчинить ее силой своему режиму. Мы считаемъ недопустимой измѣну тому обществу, въ которомъ приняли права гражданства. Соціальная демократія рекомендуетъ напасть на свою страну во время внѣшней войны, то-есть когда обязанность гражданина состоитъ въ томъ, чтобы, забывъ внутренніе споры, стать дружно за общій интересъ націи. Но, становясь на такую почву, соціалистическая доктрина разрушаетъ не только современное общество, а дѣлаетъ невозможнымъ какую бы то ни было общественность. Она разрушаетъ самую способность людей жить въ обществѣ и созидать общество.

Для человѣка, не ослѣпленнаго страстью, ясно, что, воспитывая въ людяхъ полное презрѣніе къ праву другихъ и даже къ праву національному,—нельзя изъ такихъ лицъ создать новаго общества. Характеръ и привычки, сложившіеся на такихъ понятіяхъ и на дикой борьбѣ, поправшей ногами всѣ принципы,—не могутъ не передаваться всѣмъ окружающимъ, а ужъ тѣмъ болѣе укрѣпляются у самихъ соціалистовъ. Если бы они и успѣли

побѣдить и захватить въ свои руки современное государство, то они будутъ проявлять въ новомъ обществѣ тѣ же качества, которыя воспитала въ нихъ соціалъ-демократія. Привыкши къ презрѣнію права личнаго и общечеловѣческаго, они неизбѣжно будутъ такъ же коварно измѣнять и соціалистическому обществу, если въ немъ что-либо имъ не понравится, будутъ позволять себѣ такія же насилія надъ новымъ обществомъ. Такіе люди всякое общество, старое или новое, превратятъ въ арену взаимныхъ коварныхъ нападеній, взаимнаго разрушенія и междуусобицъ. Свобода и благосостояніе возможны только среди людей, которые проникнуты уваженіемъ къ общему праву, и во взаимной борьбѣ не позволяютъ себѣ доходить до его нарушенія.

Это всецѣло относится и къ идеѣ всеобщей забастовки. Стачка, забастовка, вполнѣ понятны, какъ орудіе частной борьбы между двумя враждующими частными силами: рабочими и предпринимателями. Но *всеобщая забастовка* обращаетъ частную или классовую борьбу противъ всего общества. Это уже составляетъ попраніе общественнаго права, и толкать рабочихъ на такой путь—значитъ развивать въ нихъ чувства эксплуататоровъ.

Во всеобщей стачкѣ воспитывается такой эгоизмъ, какой рѣдокъ даже среди самыхъ типичныхъ эксплуататоровъ.

Здѣсь человѣкъ, во-первыхъ, пріучается хладнокровно причинять страданія всѣмъ окружающимъ, безъ всякаго вниманія даже къ тому, враги ли они ему. Нужно вспомнить, какими страшными бѣдствіями и лишеніями всеобщая забастовка падаетъ на всѣхъ непричастныхъ борьбѣ, неповинныхъ ни въ какой эксплуатаціи, не говоря уже о старикахъ, больныхъ, дѣтяхъ и т. д.

Исторія передаетъ, какъ примѣръ благороднаго человѣколюбія, поступокъ короля Генриха IV, который доставлялъ хлѣбъ въ Парижъ, осажденный имъ во время гражданской войны. Вотъ какіе люди и какія чувства способны созидать общество! Уничтожить же въ своемъ сердцѣ всякую искру человѣчности—это значитъ губить общество.

Подрывая общую нравственность въ человѣкѣ, идея всеобщей забастовки, вообще забастовки предпріятій общественно-необходимыхъ, подрываетъ сверхъ того въ рабочемъ человѣкѣ главное его украшеніе: трудовую нравственность, профессіональную этику. Трудящійся человѣкъ именно этимъ чувствомъ выше нетрудящагося. Трудовая этика говоритъ намъ, что мы своей

работой не только получаемъ сами средства къ жизни, но распространяемъ благо на всѣхъ людей, служимъ человѣчеству, являемся въ трудѣ своемъ общественными дѣятелями. Этимъ чувствомъ свять нашъ трудъ. Онъ есть наша нравственная обязанность передъ человѣчествомъ, онъ есть наша помощь на только знаемымъ, но и незнаемымъ, всѣмъ человѣческимъ существамъ. Но какія противоположныя чувства прививаетъ намъ идея всеобщей забастовки! Репортеръ „Русскаго Голоса“ (3 марта, № 51) разсказывалъ уличную сцену изъ забастовки городскихъ трамваевъ. Забастовка кончилась, но появились агитаторы, горько упрекавшіе своихъ товарищей въ измѣнѣ. Тѣ отмалчавались или говорили:

— У меня, вонъ, семеро; всѣ просятъ ѣсть... Вотъ и бастуй...

Этотъ бѣдный человѣкъ помнитъ, что у него семеро дѣтей... Изъ-за ихъ голоднаго писка онъ прекратилъ забастовку. Но какъ же ни онъ, ни агитаторы, упрекающіе его, не потрудятся вспомнить, что тысячи семействъ, у которыхъ тоже дѣти ѣсть просятъ, поставлены въ самое тяжкое положеніе отсутствіемъ конокъ и трамваевъ? Какъ же рабочему или другому служащему во время попасть на работу? А онъ изъ-за опозданій иной разъ можетъ и совсѣмъ потерять мѣсто. Дѣти же и у него пищатъ, ѣсть просятъ. Но ни о чемъ подобномъ этотъ кондукторъ не думаетъ. Онъ думаетъ или о прибавкѣ жалованья, или о томъ, чтобы вовсе не потерять жалованья, а какъ это отражается на судьбѣ другихъ людей—ему все равно. Въ такомъ человѣкѣ—уже подорвана трудовая этика. Онъ уже не имѣетъ самаго высокаго чувства работника.

А что сказать, когда рабочіе, поставленные на водопроводѣ, начинаютъ грозить пресѣченіемъ воды для жителей? Вѣдь это хуже измѣны на войнѣ.

Если бы мы превратились въ людей, забывшихъ трудовую нравственность—то между нами возможна только взаимная эксплуатація, грызня и рѣзня. Съ такими людьми нечего и толковать о какомъ-нибудь лучшемъ строѣ жизни. Чувствомъ профессіональной этики наша общественность держится, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какимъ другимъ, потому-что въ трудѣ своемъ человѣкъ является общественнымъ дѣятелемъ не разъ въ годъ, не только на какихъ-нибудь выборахъ, а ежедневно и ежечасно. И вотъ это-то сознаніе общественнаго значенія нашего труда, сознаніе того, что онъ имѣетъ своей задачей не замариваніе, а постоян-

ное оживотвореніе всего окружающаго, заставляютъ забывать новѣйшіе соціалисты.

Ставя своимъ идеаломъ коммунизмъ, они сами заставляютъ людей забывать, что нашъ трудъ—не есть только наше частное или партійное дѣло, но общественное и общечеловѣческое. Говоря объ обобществленіи всѣхъ отношеній, они разрѣшаютъ насиліе надъ обществомъ. Говоря объ трудовомъ обществѣ, они уничтожаютъ трудовую этику.

Но вырабатывая такихъ людей, которые утрачиваютъ уваженіе къ другимъ людямъ, къ обществу, къ человѣческому праву, что же можно создать? Если люди уже ни на кого не въ состояніи будутъ положиться, если, напримѣръ, при самомъ соціалистическомъ строѣ хранители общественныхъ складовъ, устроютъ забастовку въ раздачѣ продуктовъ, или въ доставленіи фабрикамъ электрической силы, какое же возможно общество? Тутъ, послѣ долгой рѣзни, всѣ могутъ лишь притти къ заключенію, что невозможно жить иначе, какъ создавъ какой-нибудь страшный центральный деспотизмъ, который грознымъ принужденіемъ, карой и вѣчнымъ надзоромъ за всѣми и каждымъ замѣнилъ бы дѣйствіе погибшей въ людяхъ нравственности, гуманности и сознанія своего общественнаго долга.

Когда вспоминаешь первые фазисы соціализма въ началѣ XIX вѣка, вспоминаешь эти горячія обличенія эксплуатаціи и безчеловѣчія, горячіе призывы къ человѣческой солидарности, и сравниваешь эти прежнія рѣчи съ нынѣшними воззваніями къ борьбѣ противъ всего общества, во имя своей партійной программы, съ забвеніемъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, съ призывомъ морить не только враговъ, а всѣхъ, кто попадется, голодомъ и жаждой,—то нельзя не видѣть страшнаго регресса. Идея, призывавшая къ обновленію міра, превратилась въ идею, возвращающую его къ самымъ первобытнымъ временамъ дикости, когда человѣкъ еще не умѣлъ сознать брата въ другомъ человѣкѣ. Именно это и приводитъ теперь многихъ въ ужасъ передъ соціализмомъ, какъ передъ носителемъ гибели общественности, а стало быть и всей культуры.

Я долженъ однакоже сказать, что когда какое-либо ученіе или общественное движеніе доходитъ до такихъ отчаянныхъ средствъ дѣйствія, то это показываетъ не возрастаніе его силы, а внутреннее сознаніе, что дни его сочтены. Сила всегда великодушна, и то ученіе, которое ее имѣетъ — не станетъ себя

компрометировать безчеловѣчіемъ или измѣною. Новѣйшая тактика соціализма явилась, я полагаю, только оттого, что онъ уже видитъ свое ослабленіе, видитъ, что человѣчество уже нашло пути къ обновленію безъ него и начинаетъ все болѣе переходить на эти пути.

Едва ли поэтому можно сомнѣваться, что—какъ ни грозны по приносимымъ бѣдствіямъ движенія современнаго соціализма—они выражаютъ не усиленіе, а упадокъ соціалистической идеи. По всей вѣроятности, рабочіе европейскаго континента теперь переживаютъ тотъ періодъ, который переживали англичане въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка, и по всей вѣроятности придутъ къ тѣмъ же заключеніямъ и рѣшеніямъ, которыми революціонное соціалистическое движеніе закончилось тогда у англійскихъ рабочихъ: то-есть къ рѣшимости бороться за свои интересы не путемъ разрушенія общества, не путемъ переворота, а путемъ систематическаго улучшенія существующаго строя, путемъ дѣйствительнаго осуществленія въ немъ вѣчныхъ основъ общественности.

## XI.

Если періодъ вражды и революцій дѣйствительно завершится наконецъ новою эрой солидарности, то что же можетъ сказать исторія будущаго, подводя итоги соціализму XIX и XX вѣковъ? Мнѣ кажется, что эти итоги полезнаго и вреднаго, принесеннаго имъ къ нашей общественности и государственности, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Соціализмъ съ начала XIX вѣка *будилъ человѣческую мысль и совѣсть* обличеніемъ несомнѣнныхъ несправедливостей и неустройствъ современной жизни. Онъ напоминалъ современному человѣку, что у насъ пребываютъ въ омертвѣніи наши собственные идеалы. Все это способствовало оживленію общественной работы по оздоровленію строя нашей жизни.

2. Соціализмъ обратилъ вниманіе современниковъ на огромное значеніе *экономическихъ условій*. Это способствовало появленію стремленія понять ихъ и регулировать сообразно нуждамъ современнаго человѣка и общества.

3. Соціализмъ много сдѣлалъ для *организаціи рабочаго класса*. Тамъ, гдѣ рабочіе не были достаточно активны для того, чтобы при этой организаціи освободиться отъ ферулы соціалистической интеллигенціи, они, пожалуй, тоже попадали въ зави-

симость и вредную, и опасную. Но тамъ, гдѣ рабочая организація становилась самостоятельной, не непремѣнно „соціалистической“, а „рабочей“, она была источникомъ не только своего, а всеобщаго блага.

4. Соціализмъ, хотя и посредствомъ крайнихъ теоретическихъ преувеличеній, обратилъ вниманіе современниковъ на необходимость *усиленія коллективнаго начала* въ обществѣ, которое было чрезмѣрно индивидуализировано.

5. Соціализмъ былъ причиной, напомнившей *государству* буржуазнаго строя его соціально экономическія обязанности. Хотя большинство соціалистовъ мечтало о разрушеніи государства, однако были среди нихъ и такіе люди, какъ Луи Бланъ и Лассаль, ставившіе государству высокія цѣли.

6. При этомъ даже и самый призывъ къ революціи, сдѣланный соціализмомъ, имѣлъ свои полезныя стороны, такъ какъ *опасностью угрозы* заставилъ подумать о справедливости даже тѣхъ, которыхъ совѣсть и разумъ не были достаточно чутки къ добровольному исполненію требованій справедливости.

Таковы полезныя для общества и государства послѣдствія соціалистическаго движенія XIX и XX вѣковъ. Но, переходя къ пассиву соціализма, должно сказать, что онъ къ каждой каплѣ своего меда подливалъ слишкомъ много дегтю.

1) Онъ заставляетъ человѣка забывать свою высокую природу. Онъ отрицаетъ личность, какъ начало самостоятельное и творческое. Этимъ онъ ведетъ и къ дѣйствительному приниженію личности, которая не можетъ развиваться у человѣка, увѣровавшаго въ ея ничтожество и полную зависимость отъ внѣшнихъ условій.

2) Соціализмъ уничтожаетъ общечеловѣческую нравственность и воспитываетъ, вмѣсто нея, классовое товарищество, для котораго всякій чужой уже не братъ. Достигнутое долгимъ и труднымъ историческимъ процессомъ чувство общечеловѣческаго братства соціализмъ подрываетъ и этимъ низводитъ человѣка на тѣ первобытныя ступени этики, гдѣ онъ не умѣлъ еще различить себѣ подобнаго внѣ своего кружка или стада.

3) Такъ воспитывая личность, соціализмъ отнимаетъ у ней же самой способность къ независимости, вырабатываетъ человѣка, рабствующаго передъ кружкомъ. Такая личность уже не постоитъ за правду хотя бы и противъ всего міра. Этимъ и для общества вырабатывается плохой гражданинъ, „куртизанъ“ пе-

редъ Царемъ или народомъ, а не смѣлый стоятель за правду и благо.

4) Соціализмъ совершенно не признаетъ никакого человѣческаго права, ни личнаго, ни народнаго. У него одна мѣрка: выгода или невыгода для партіи. Онъ рѣшается насильственно завоевать общество, его не желающее и заставить людей жить такъ, какъ онъ самъ укажетъ. Не то право, которое люди сами вырабатываютъ для себя, а свое мнѣніе считаетъ онъ рѣшителемъ чужихъ судебъ. Въ этомъ презрѣніи къ чужому праву соціализмъ доходитъ до отнятія у людей свободы дѣйствій, имущества, созданнаго даже трудомъ, даже дѣтей у родителей. Такое полное презрѣніе къ праву другихъ людей мы знаемъ лишь въ исторіи завоеваній самыхъ свирѣпыхъ варваровъ. Въ исторіи же внутреннихъ гражданскихъ отношеній мы даже и не знаемъ примѣровъ такого насилія надъ согражданами и такой готовности на измѣну націи. Этимъ соціализмъ, даже еще и не господствующій, вноситъ постоянную язву развращенія въ наше общество и государство.

5) Для построенія будущаго общества соціализмъ прибѣгаетъ къ коммунизму, который за всю исторію человѣчества постоянно доказывалъ свою несовмѣстимость съ производительностью труда, и въ многочисленныхъ опытахъ самаго соціализма всегда приводилъ къ банкротству общинъ.

6) Такое предпріятіе свое, явно осужденное на банкротство по растратѣ скопленныхъ человѣчествомъ капиталовъ, соціализмъ хочетъ привести въ исполненіе насильственно, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Этимъ онъ вынуждаетъ и наше общество отвлекаться отъ улучшенія своего строя и удовлетворенія народныхъ нуждъ, на защиту свою отъ заговоровъ, измѣнъ и революцій со стороны соціализма, тратя средства, время и силы государства на вѣчное бодрствованіе на стражѣ. Этимъ у нашего общества и государства отнимается непроизводительно огромное количество силы и средствъ.

Таковъ пассивъ соціализма, постепенно все болѣе и болѣе превышающій его активъ.

## XII.

Въ такомъ положеніи, какое онъ принялъ въ концѣ концовъ, онъ является прямымъ врагомъ существующей общественности и государственности. Онъ ставитъ прямо одно изъ двухъ:

или онъ уничтожитъ историческое общество, или оно должно его уничтожить. Въ чемъ же могутъ быть средства для защиты историческихъ основъ общественности?

Само собою, на прямое вооруженное нападеніе государство отвѣчаетъ такой же силой. Оно для того и получаетъ силу, чтобы защищать безопасность и неприкосновенность общества. Но примѣненіемъ силы не рѣшается вопросъ. Задача общественности и государственности состоитъ не въ одномъ томъ, чтобы умѣть побѣдить въ бою возмутившуюся часть согражданъ, а въ достиженіи того, чтобы такого возмущенія совсѣмъ не происходило. А для этого очевидно нужно, чтобы всѣмъ было хорошо жить, такъ чтобы граждане и не доходили до преступной мысли разрушать свое общество, но любили бы его и сами старались его поддерживать.

Какъ же достигнуть этого? Я конечно не могу теперь развивать подробной программы улучшеній. Скажу лишь вкратцѣ, что для этого нужно имѣть, во-первыхъ, *правильныя цѣли*, во-вторыхъ *правильныя средства.*

Правильныя цѣли состоятъ не въ уничтоженіи свободы и правъ личности, а въ томъ, чтобы права и собственность принадлежали каждому члену общества, и не въ теоріи только, а въ дѣйствительности. Для достиженія этого нужно дѣйствіе всѣхъ силъ, какія существуютъ въ человѣческой общественности.

Общественность—явленіе сложное. Тутъ дѣйствуетъ и отдѣльная личность, и частныя группы, ассоціаціи и т. п., и классовая организація и общенаціональная государственная организація. Если мы хотимъ чего-нибудь достигнуть, мы должны пустить въ дѣйствіе всѣ эти силы, не уничтожая и не подрывая ни одной. Въ этомъ и состоятъ правильныя средства дѣйствія.

1) Нужно, чтобы энергично дѣйствовала личность, а потому требуется сохранить всѣ ея права, не связывая ее по рукамъ и ногамъ, какъ думаетъ сдѣлать соціализмъ. 2) Нужно, чтобы дѣйствовали *общественныя организаціи.* Ихъ самодѣятельность совершенно необходима, ибо нельзя помочь тѣмъ людямъ, которые сами о себѣ не заботятся. Поэтому намъ нужно развитіе вообще внутренней народной организаціи, а въ частности рабочихъ организацій, не для войны, не для революцій, не для того, чтобы создать себѣ какого-нибудь соціалистическаго повелителя, а для того, чтобы самостоятельно улучшать свою жизнь во всякое время, и на каждомъ мѣстѣ и во всѣхъ отношеніяхъ, какія ока-

зываются нужными. Безъ такой самодѣятельности народныхъ организацій невозможно ни умственное развитіе народа, ни его благосостояніе, ни установка какихъ-либо разумныхъ мѣръ, къ помощи ему сверху 3) Нужно сверхъ того дѣйствіе *государства*. Но для того, чтобы государство могло исполнять свою обязанность, мы должны не подрывать его, не приводить къ безсилію, а заботиться, напротивъ, о поддержаніи его авторитета и силы. Само собою разумѣется, что для дѣйствія государства нужна широкая ознакомленность его о народныхъ нуждахъ, и о томъ, что въ умѣ народа, по практикѣ его самодѣятельности, назрѣваетъ, какъ необходимое въ государственныхъ мѣропріятіяхъ.

Если подвести итогъ этимъ средствамъ дѣйствія, то можно сказать, что намъ требуется не переворотъ, не разрушеніе, а напротивъ только *оживленіе* нашей общественности.

Когда люди твердо вступятъ на этотъ путь—это будетъ окончаніемъ той революціи, которую міръ пережилъ въ XVIII и XIX вѣкѣ сначала впавши въ формы односторонняго индивидуализма, а потомъ въ формы столь же односторонняго соціализма. Это было бы началомъ дѣйствительно *новой эры*, новой не въ смыслѣ созданія новыхъ, небывалыхъ основъ общественности, а въ смыслѣ сознательнаго примѣненія вѣчныхъ законовъ общественности къ нашимъ современнымъ условіямъ.

Индивидуализмъ и коллективизмъ имѣютъ одинаково законное мѣсто въ нашей жизни, и безъ всеобщаго вреда не могутъ подрывать другъ друга. Истинный девизъ общественнаго развитія составляютъ не индивидуализмъ, выдвинутый буржуазіей, и не коллективизмъ, выдвинутый соціалистами, *а солидарность*, въ которой неразрывно и дружно соединяется и свобода личности, и объединеніе человѣческихъ усилій. Когда люди поймутъ это, они поймутъ, что истинный путь къ общественному благу составляетъ не революція, а мирное развитіе—*эволюція*.

Кто же долженъ понять это, кто долженъ совершать ту прогрессивную работу, общія основы которой указаны сейчасъ? Это дѣло всѣхъ насъ, не одной власти, не только отдѣльныхъ лицъ, но всего народа. Задача заключается не въ томъ, чтобы поручить кому-нибудь себя облагодѣтельствовать, а въ томъ, чтобы всѣ старались улучшать жизнь свою собственную и всѣхъ окружающихъ. Когда во всей массѣ народа явится стремленіе къ такой разумной самодѣятельности, уважающей и свои и чужія

права, и повсюду приводящей всѣхъ къ исполненію своего долга, тогда только возможна твердая и разумная соціальная политика со стороны государства. И вотъ по мѣрѣ того, какъ мы будемъ выходить на этотъ путь—соціализмъ постепенно самъ собою заглохнетъ, побѣжденный не одной матеріальной силой, а силой нравственной, силой правды исторической общественности.

*Л. Тихомировъ.*

## ОПЕЧАТКИ.

| *Стр.* | *Стрк.* | *Напечатано:* | *Слѣдуетъ:* |
|---|---|---|---|
| 1 | 5 | выраци | вырости |
| 5 | 1 | ого | его |
| 19 | 14 | соціалогія | соціологія |
| 31 | 22 | Лоренцъ, Штейнъ | Лоренцъ Штейнъ |
| 32 | 28 | предпринималъ | предпринималъ |
| 41 | 13 | очень безбѣдно | очень бѣдно |
| 42 | 3 | Джопа Берпса | Джона Бернса |